

Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко

Погребения эпохи великого переселения народов и раннего средневековья из курганов степного Прикубанья

Keywords: Kuban region, polychromatic style, sword, cauldron, armour.

Ключевые слова: Прикубанье, полихромный стиль, меч, котел, панцирь.

N. Ju. Limberis, I. I. Marchenko

Burials of the Great Migration Epoch and the Early Middle Ages in Barrows in the Kuban Steppe

The article presents the materials of the two richest burials in barrows in the Kuban steppe, dated from the Great Migration epoch. The detailed analysis of the multiple inventory items (polychromatic objects, buckles and belt decorations, cauldrons, weapons, etc) makes it possible to date the burial in Kalininskaya to the first half of the 5th century, and the burial in Malay — to the middle of the 6th century.

Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко

Погребения эпохи великого переселения народов и раннего средневековья из курганов степного Прикубанья

В статье опубликованы материалы двух богатых погребений эпохи Великого переселения народов из курганов степного Прикубанья. Подробный анализ многочисленных предметов инвентаря (полихромных изделий, пряжек и поясных накладок, котлов, оружия и др.) позволяет датировать погребение из Калининской первой половиной V в., а погребение из Малаёв — серединой VI в.

Территория степного Прикубанья с глубокой древности была освоена кочевыми племенами. В этом регионе расположено огромное количество курганов, под насыпями которых исследованы тысячи захоронений разных культур, начиная с периода энеолита — ранней бронзы до эпохи позднего средневековья. Однако, погребения эпохи Великого переселения народов встречаются в курганах крайне редко, тогда как в причерноморской зоне, где находятся крупные грунтовые могильники, количество погребений этого времени исчисляется сотнями. В настоящей работе мы представляем материалы двух неординарных погребений из близко расположенных курганных могильников (рис. 1).

* В основу этой работы положен доклад, прочитанный на конференции «Эпоха Меровингов — Европа без границ», состоявшейся в 2007 г. в Санкт-Петербурге. Материалы конференции не изданы.

Погребение 3

В 1979 г. в процессе масштабных раскопок на строительстве рисовой системы в Калининском районе Краснодарского края в кургане 35 было исследовано раннесредневековое погребение 3¹. Высота кургана — 1,25 м, диаметр — 58 м. Стратиграфия — однослойный. Основное погребение относилось к ямной культуре.

Погребение 3 было впущено в центральную часть насыпи без подсыпки. Пятно могильной ямы не прослеживалось. Скелет женщины² лежал вытянуто на спине с поворотом на правый бок, черепом на ССВ. Череп за-

¹ Раскопки проводились Северо-Кавказской археологической экспедицией Северо-Осетинского государственного университета (начальник экспедиции В. А. Сафронов, начальник отряда И. И. Марченко).

² Определение наше.

Рис. 1. Местоположение курганов у ст-цы Калининской (1) и у хут. Малаи (2).

Fig. 1. Location of the barrows near stanitsa Kalininskaya (1) and steading Malay (2).

валился вправо. Левая рука была вытянута вплотную к туловищу, кисть лежала на тазобедренном суставе. Правая рука немного согнута в локте, предплечье отведено в сторону, кисть согнута в лучезапястном суставе по направлению к бедру. Ноги вытянуты, сближены в голених, стопы перекрещены — левая на правой (рис. 2: 1).

Слева у шейных позвонков лежала инкрустированная бляшка (1). В средней части груди была расчищена булавка с инкрустированным навершием (2). На правом запястье находилась халцедоновая бусина (3), у правой кисти — железный нож (4). На костях стоп лежали две серебряные пряжки (5, 6). Под черепом было найдено серебряное височное кольцо (7).

Описание инвентаря

1. Бляшка (рис. 2: 4) на бронзовой пластинчатой основе, обтянутой тонким золотым листом. На лицевой стороне имеются три гнезда, расположенные треугольником: два круглых и одно каплевидное. Гнезда образованы напаянной ребром ленточкой и окружены штампованным орнаментом, имитирующим рубленую проволоку. В двух гнездах сохранились вставки красных алмандинов, третья вставка утеряна в древности. Размеры: 2,5×2 см.

2. Булавка (рис. 2: 2) с круглым плоским бронзовым навершием, обтянутым золотым листом. Центральная круглая вставка из алмандина окружена восемью вставками из алмандина и сердолика в круглых и овальных гнездах. Гнезда напаяны из узкой ленточки с заходящими друг за друга концами. Один камень утрачен в древности. По краю диска — двойной бордюр, имитирующий рубча-

тую проволоку. Бронзовая игла длинная, заостренная, плоская в сечении. Основание иглы обхвачено гладким краем золотой пластины. Общая длина — 10 см, длина иглы — 6,4 см, диаметр навершия — 3,6 см.

3. Бусина (рис. 2: 5) уплотненно-цилиндрической формы из полупрозрачного розового халцедона. Канал отверстия широкий, сверление одностороннее. Часть отбита в древности. Диаметр — 2,3 см, высота — 0,7 см, диаметр отверстия — 0,6 см.

4. Нож (рис. 2: 3) железный однолезвийный, с прямым клинком, равномерно сужающимся к острию. Черенок массивный, основание выделено небольшими уступами. Сохранился тлен от деревянной рукоятки. Острие клинка утрачено в древности. Сохранившаяся длина — 14 см, длина черенка — 4,2 см, наибольшая ширина клинка — 2,2 см.

5. Пряжка (рис. 2: 6) серебряная литая круглорамчатая. Рамка в сечении круглая, в месте крепления язычка — более тонкая. Язычок хоботковидный, с загибающимся концом, утолщен и вертикально срезан с противоположной стороны. Диаметр рамки — 1,6×1,3 см, длина язычка — 2 см.

6. Пряжка (рис. 2: 7) серебряная, литая, прямоугольнорамчатая с подвижным прямоугольным пластинчатым щитком, который крепился к ремню одной заклепкой. Язычок хоботковидный с далеко выступающим концом, утолщен и вертикально срезан с противоположной стороны. Размеры рамки — 1,5×1,0 см, размеры щитка — 1×1 см, длина язычка — 1,5 см.

7. Кольцо височное (рис. 2: 8) серебряное с сомкнутыми концами, круглое в сечении. Размеры: диаметр — 1,5×1,9 см, диаметр сечения — 0,35 см.

Анализ инвентаря

Булавка

И. П. Засецкая выделила шесть стилистических групп украшений гуннской эпохи. Первые четыре группы она датировала концом IV — началом V в. н. э. Булавка относится к III стилистической группе (Засецкая 1982: 18, 26). В своей основе она имеет цельную бронзовую булавку с круглым, плоским навершием. Аналогичных целых изделий пока не известно, но есть деталь, которая позволяет предположить, что навершием подобной булавки, в действительности, является бляшка из с. Татарка (балка «Каряжка»). На фотографии на краю золотой обкладки четко виден маленький гладкий выступ (такой же, как на булавке из кургана у ст-цы Калининской),

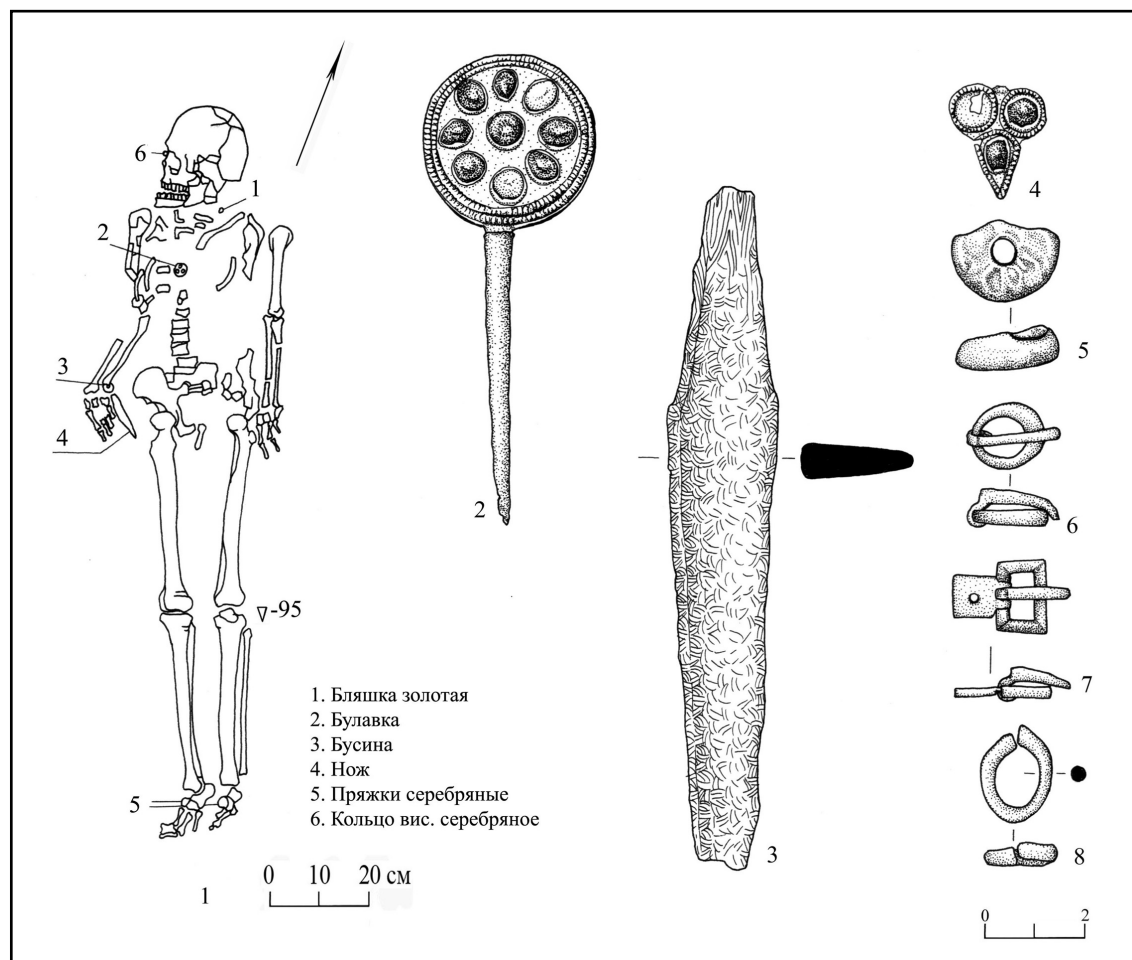

Рис. 2. Калининская, курган 35, погребение 3: 1 — план погребения; 2 — булавка (золото, бронза, альмандин, сердолик); 3 — железный нож; 4 — бляшка (золото, бронза, альмандин); 5 — халцедоновая бусина; 6, 7 — серебряные пряжки; 8 — серебряное височное кольцо.

Fig. 2. Kalininskaya, barrow 35, burial 3: 1 — plan of the burial, 2 — pin (gold, bronze, almandine, comelian), 3 — iron knife, 4 — pendant (gold, bronze, almandine), 5 — chalcedony bead, 6, 7 — silver buckles, 8 — silver temple ring.

который обхватывал основание иглы (Засецкая 1975: кат. №33). Не исключено, что и некоторые другие бляхи при ближайшем рассмотрении могут оказаться навершиями булавок, так как на рисунках эта малозаметная деталь могла быть не отражена, как это и случилось с бляхой из Татарки (Засецкая 1994: табл. 17, 3). Бляха из погребения в окрестностях г. Зеленокумска служила украшением женского костюма (Охонько, Отюцкий 1982: 239, рис. 1, 5). Она тех же размеров, что и навершие булавок из Калининской. Таким же украшением, по-видимому, является и бляха из погребения 24 могильника Байтал-Чапкан, имеющая двойной бордюр и такие же размеры (Абрамова 1997: рис. 32, 1). Все эти изделия плоские, так как золотой лист натянут непосредственно на бронзовую основу. Подавляющее большинство изделий со вставками, в том числе, и круглых блях из Верхней

Рутхи, изготовлено иным способом — пространство между бронзовой основой и золотой фольгой заполнено белой пастой (Абрамова 1997: 77, 126). Принято считать, что все бляхи из Верхней Рутхи являются деталями конской сбруи (Амброз 1989: 41; Абрамова 1997: 126).

Накладка

Накладка с тремя вставками, также служившая украшением костюма, выполнена в том же стиле и технике, что и булавка. Накладок аналогичной формы нам неизвестно. Многочисленные накладки третьей стилистической группы от конской сбруи и ножен меча, чаще всего, имеют прямоугольную или крестовидную форму (Засецкая 1982: рис. 4, 4—7). Наиболее близкими представляются две накладки в виде строенных ромбов из погребения VIII у с. Новогригорьевка и строенных кружков из погребения у совхо-

за им. Калинина (Засецкая 1975: кат. №77; Засецкая 1994: табл. 4, 1, 2; 22, 9).

Пряжки

Пряжки служили застежками обувных ремешков. Круглорамчатая пряжка обычна для погребений гуннской эпохи. Аналогичные пряжки из бронзы И.П. Засецкая выделила в группу IV, отдел 2, тип А (Засецкая 1994: 78, 93, рис. 19в, 36). Однако, кроме бронзовых пряжек из Новогригорьевки (могила VIII), Татарки, совхоза им. Калинина, с. Ровное (Засецкая 1994: 93, табл. 5, 11; 17, 5; 22, 13; 29, 9) имеются и два серебряных экземпляра из комплексов у с. Новая Маячка и с. Здвиженское (Засецкая 1994: 168, 169, табл. 9, 10; 11, 12). Памятники Здвиженское и Татарка вошли в подгруппу 1а, Новогригорьевка, Калинина, Новая Маячка, Ровное — в подгруппу 1б первой хронологической группы конца IV — первой половины V в. (Засецкая 1994: 112—114). Во второй хронологической группе пряжки этого типа отсутствуют. То же самое прослеживается на материалах боспорских склепов и других крымских могильников, где такие пряжки встречаются только в первой хронологической группе последней четверти IV — первой половины V в. (Айбабин 1990: 28, рис. 8—11; Засецкая 1993: табл. 3; Засецкая 2003: 34, табл. 12).

Бронзовые и серебряные пряжки этого типа также являются частой находкой в аланских катакомбах V в. Северного Кавказа (Абрамова 1997: 22, 127 рис. 12: 6, 7, 21—23; 14: 6; 24: 19, 20). По классификации В.Б. Ковалевской они относятся к отделу I, типу 1, варианту II. Подавляющее большинство известных пряжек изготовлено из бронзы и происходит из погребений III—V вв. (Ковалевская 1979: 15, табл. 1, 2). Подобные пряжки из могильника Мокрая Балка Г.Е. Афанасьев также выделил в отдел I, тип 1. Они встречаются только на первом этапе функционирования могильника — вторая половина V — первая половина VI в. (Афанасьев 1980: 141, рис. 1: 1—3, табл. 2). А.К. Амброз считал такие пряжки обычными для V в. (Амброз 1989: рис. 13: 1—3, 5, 6, 9).

Прямоугольнорамчатая пряжка с подвижным щитком пока не имеет прямых аналогов в памятниках раннего средневековья. Для этого периода характерны круглорамчатые хоботковые пряжки с подвижным щитком, часто встречающиеся в комплексах гуннского времени (Засецкая 1994: табл. 9, 12; 11, 19; 13, 14; 32, 7, 8) и аланских погребениях V в. (Абрамова 1997: 127, рис. 74: 4, 7). В погребении №2 1965 г. у городища Гиляч совмест-

но с такой пряжкой была найдена бронзовая прямоугольнорамчатая пряжка без щитка (Минаева 1982: 229, рис. 4: 2, 3). Отпечаток ножен сабли (?) позволил А.К. Амброзу усомниться в датировке погребения V в., несмотря на присутствие в комплексе стеклянного кубка и пряжки с хоботковидным язычком. Отметил он и неясность техники изготовления квадратной пряжки (Амброз 1989: 36). М.П. Абрамова без колебаний отнесла этот комплекс к V в. (Абрамова 1997: 50). Серебряная пряжка без щитка с прямоугольной рамкой происходит из гуннского погребения в кургане у с. Изобильное в Крыму. В том же комплексе имеется и обычная бронзовая круглорамчатая пряжка без щитка. Автор раскопок датировал погребение второй половиной IV—V в. (Юрочкин 1993: 249, рис. 2: 1, 2). А.И. Айбабин погребение из Изобильного относит ко второй половине или даже к последней четверти V в. (Айбабин 1993: 208, 209; Айбабин 1999: 73).

Датировка погребения

Погребение относится ко времени образования гуннского племенного союза с центром в Северном Причерноморье. Полихромные украшения и серебряные пряжки позволяют включить его в хронологическую подгруппу 1а по И.П. Засецкой (Засецкая 1994: 112, 142, 143), и датировать его в рамках первой половины V в. н. э.

Погребение 12

В 1986 г. на строительстве второй очереди рисовой системы в Калининском районе Краснодарского края Краснодарская археологическая экспедиция КубГУ проводила раскопки курганного могильника у хут. Малаи, состоявшего из шести курганных насыпей (Восточномалайский II). Погребение 12 в кургане 1 принадлежало раннесредневековому кочевнику. Высота кургана — 1 м, диаметр — 53 м, стратиграфия — однослойный (рис. 3). Основное погребение относилось к эпохе ранней бронзы. На поверхности кургана в пахотном слое был найден фрагмент бронзового котла гуннского типа.

Погребение 12 было впущено в южную половину насыпи, с этой же стороны совершенно подсыпка (рис. 3: 1). Курган окружен округлым в плане ровиком (диаметр — около 30 м, глубина — до 2 м), вырезанным в поле древнего кургана (рис. 3: 2). В ров были свалены черепа и части туш 13 жертвенных лошадей. Характерно, что мозговые коробки и нижние

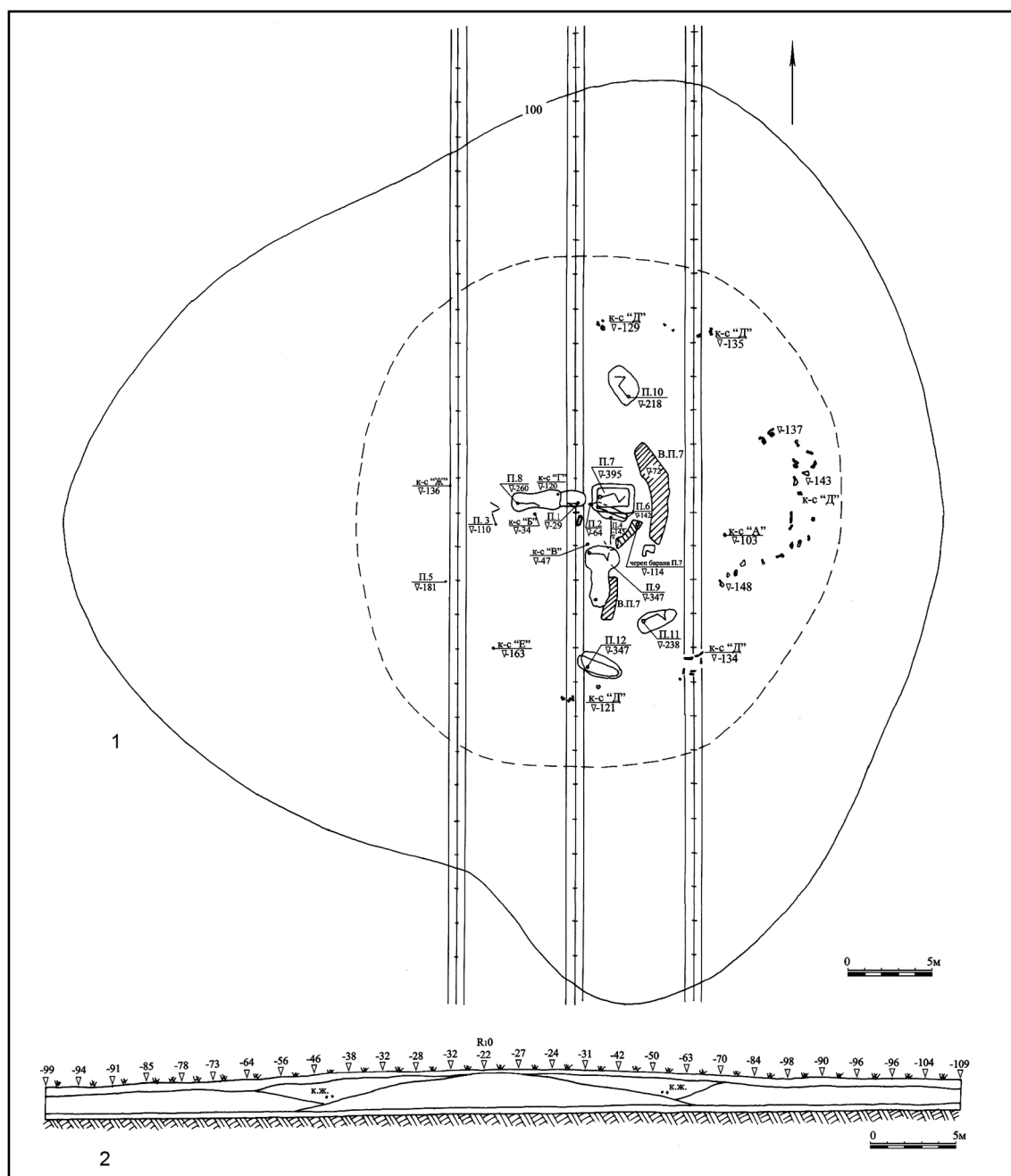

Рис. 3. Малаи, курган 1: 1 — общий план кургана; 2 — разрез рва с восточной стороны бровки 1.

Fig. 3. Malay, barrow 1: 1 — general plan of the barrow, 2 — section of the ditch on the east side of the edge 1.

челюсти черепов лежали раздельно. Кроме лошадей, в жертву была принесена корова (найлены две нижние челюсти, также лежавшие раздельно). Сюда же были брошены фрагменты сероглиняного кувшина (18), часть железных удил (17) и два преднамеренно испорченных бронзовых котла: один разрублен на части (1), второй сплюснен (2).

Погребение было совершено в подбой с узкой входной ямой, ориентированной по линии ЗСЗ–ВЮВ. Длина входной ямы — 2,62 м,

ширина — 0,47 м, глубина — 0,65–0,74 м, высота ступеньки — 0,41 м. Подбой сделан с ЮЮЗ стороны, в плане удлиненно-овальный, сильно сужался к ВЮВ концу. Длина подбоя — 2,74 м, ширина в средней части — 0,73 м, глубина 1,0–1,24 м от прослеженного уровня (рис. 4: 1). В центральной части сохранился просевший свод, высотой 0,59 м. Вход в подбой не был закрыт. Погребенный присыпан землей, затем в подбой и на ступеньку были положены части

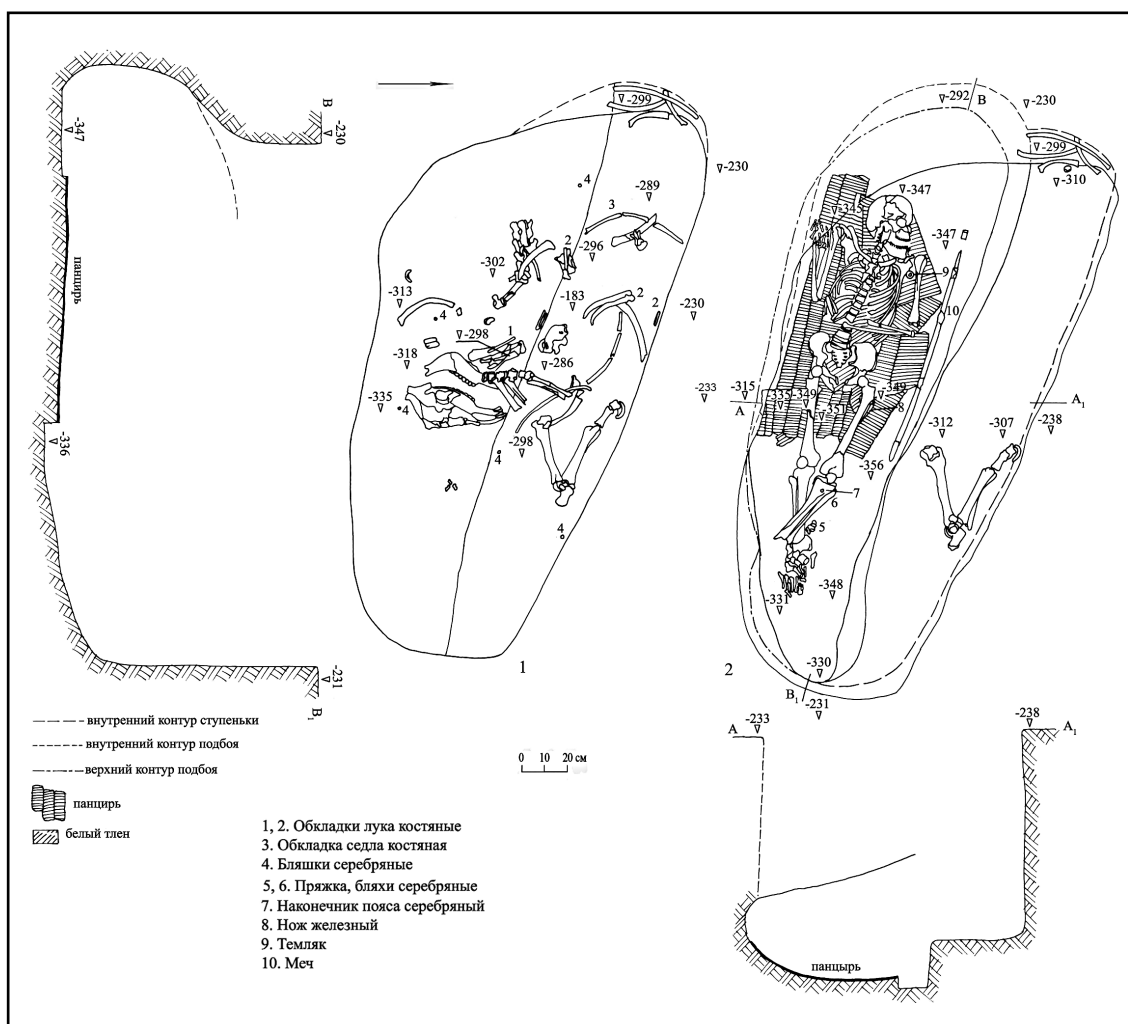

Рис. 4. Малаи, курган 1, погребение 12.1 — план погребения на верхнем уровне расчистки; 2 — план погребения на нижнем уровне расчистки; 3, 4 — разрезы подбоя.

Fig. 4. Malay, barrow 1, burial 12.1 — plan of the burial on the top level of clearance, 2 — plan of the burial at the lower level of clearance, 3, 4 — sections of lining.

двух лошадей: ребра, куски хребта, крестец, лопатка и череп взрослой особи, а также правая задняя нога, часть хребта и хвост жеребенка. В заполнение были также брошены сломанный лук (3), возможно, седло (4) и конская сбруя с серебряными бляшками (5). Рядом с черепом лошади найдена одна пластинка от наконечника пояса (10).

Скелет мужчины³ (35—40 лет) лежал вытянуто на спине, головой на ЗСЗ, ноги перекрещены в голених и стопах (левая на правой). За черепом и в ногах оставалось пустое пространство. Правая рука была согнута в локте таким образом, что кости предплечья лежали параллельно плечевой кости, кисть распрямлена ладонью вверх. Левая рука согну-

та под прямым углом, кисть лежала на животе (рис. 4: 2; 13: 1).

У места скрещения голеней, слева, лежали серебряная пряжка (6), две накладные бляхи (7, 8) и наконечник добавочного ремня (9). Вторая пряжка (6) находилась под левой большеберцовой костью, ближе к ее верхнему эпифизу. Между голеними, выше места их перекрещения, были расчищены еще две бляхи (7, 8) и наконечник ремня (9). На верхнем эпифизе левой большеберцовой кости находилась вторая серебряная пластинка от наконечника пояса (10). Очевидно, ноги погребенного были связаны ремнем. Вдоль левого бедра, острием к колену, лежал железный нож (11).

Между левой лопаткой и плечевой костью находилась большая бусина (12), служившая подвеской к рукояти меча. Меч (13) лежал слева от погребенного. Длина меча

³ Определение антрополога Н.И. Цветковой (ЛГУ, 1986 г.).

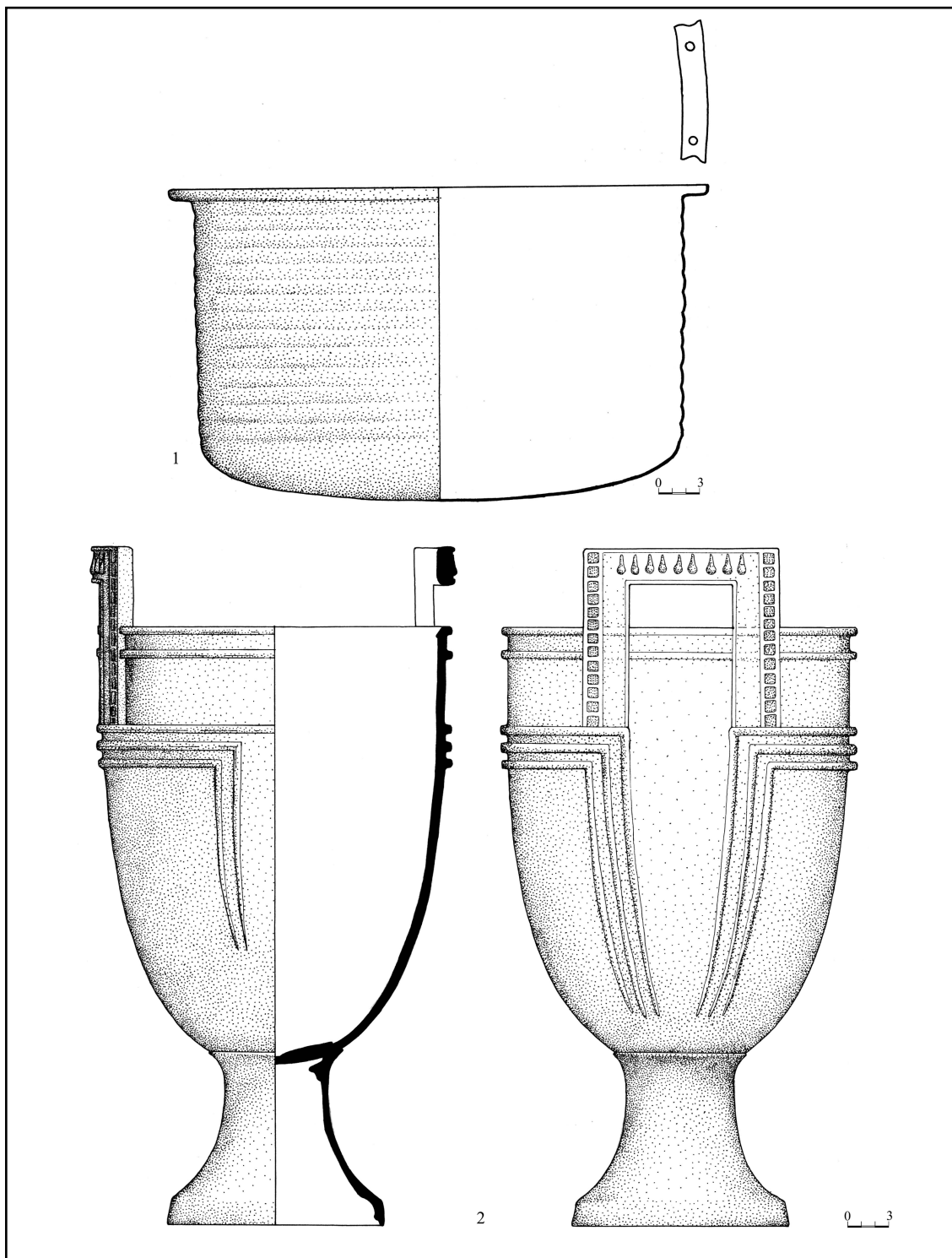

Рис. 5. Графическая реконструкция бронзовых котлов.

Fig. 5. Graphic reconstruction of the bronze cauldrons.

восстанавливалась по положению навершия — 112 см, длина рукояти — 23 см. Под черепом с левой стороны найдена золотая серьга (14). Погребенный был положен на развернутый по длинной оси подбоя панцирь (15). Под панцирем, в его нижней ча-

сти, справа и слева, лежали две костяные пряжки (16). На панцире между костями таза, у левого бедра, в районе груди, над костями левой руки и над левым крылом таза, прослеживался органический тлен белого цвета.

Описание инвентаря

1. Котел (рис. 5: 2) бронзовый, литой, разрубленный в древности на части (22 фрагмента). Тулово высокое, цилиндрическое, немного сужается к округлому дну. Поддон высокий воронковидный. Устье выделено двумя горизонтальными валиками. Ручки рамкообразные. По длинным сторонам ручек расположен орнамент в виде мелких прямоугольных ячеек. В верхней части ручек орнамент выпуклый, каплевидный. Ниже ручек расположены три горизонтальных валика, под прямым углом переходящие в три вертикальных ребра, которые доходят до придонной части. Между ручками двойные ребра опущены ниже середины тулова. Орнамент делит тулово на четыре зоны. Размеры по графической реконструкции: высота с поддоном и ручками — 50 см, высота тулова — 31,5 см, высота поддона — 12,8 см, высота ручек от основания — 12,2 см, диаметр устья — 26,2 см, диаметр основания поддона — 16 см.

2. Котелок (рис. 5: 1) бронзовый, цельнокованный, с низким цилиндрическим туловом с рифлеными стенками и слегка округленным дном. Венчик горизонтально отогнут, край вертикальный. На венчике с двух сторон симметрично расположены попарно четыре отверстия для ручки (или двух ручек). Расстояние между отверстиями — 6,4 см. Котелок был сплюснен в древности. Размеры по графической реконструкции: высота — 23,2 см, диаметр устья — 30 см, диаметр тулова — 36 см.

3. Костяные накладки от сложносоставного лука:

— пара концевых боковых накладок (рис. 6), плавно изогнутых к заостренному концу. Вырез для тетивы расположен высоко, на расстоянии 1,7 см от слегка округленного конца. Заостренные концы с лицевой стороны покрыты частой длинной косой насечкой, по краям — короткая насечка. На обратной стороне — сплошная насечка из длинных перекрещивающихся линий. Сохранившаяся длина — 21,5 см, 22,6 см, реконструированная длина — 25 см, ширина в средней части — 1,7 см;

— кончик от второй пары концевых боковых накладок (рис. 7: 4) с частыми тонкими косыми насечками с внешней стороны и продольными с внутренней. Сохранившаяся длина — 4,3 см, максимальная сохранившаяся ширина — 1,3 см;

— пара срединных боковых накладок (рис. 7: 1, 2) удлиненной трапециевидной формы с округленными концами. Концы покрыты густыми частыми насечками, короткие косые

насечки идут вдоль длинного края. Обратная сторона испещрена длинными перекрещивающимися линиями в разных направлениях. Сохранившаяся длина — 24 см, 28 см, реконструируемая длина — 29 см, ширина в средней части — 3 см;

— тыльная фронтальная накладка (рис. 7: 3) в виде узкой пластинки, немного расширяющейся на концах. Концы округлены и скошены. Сохранившийся конец имеет редкие перекрещенные насечки. Обратная сторона исчерчена частыми длинными продольными линиями, на концах — тонкие косые насечки. Сохранившаяся длина — 18,5 см, реконструируемая длина — 19,6 см, ширина в средней части — 1,15 см, на концах — 1,35 см.

4. Узкая боковая накладка (рис. 8: 1), предположительно, от боковой грани полки седла. На обратной стороне — тонкие продольные насечки. Длина — около 50 см, ширина — 1,1—1,4 см.

5. Бляшки (4 экз.) серебряные литые от конской сбруи (рис. 9: 10). Щиток круглый со скошенным бортиком. Три круглых сквозных отверстия, от которых к бортику отходят насечки, расположены треугольником. С обратной стороны имеется штифт для крепления. Диаметр — 1,5 см, высота со штифтом — 0,8 см.

6. Пряжки (2 экз.) серебряные, литые, с трапециевидной рамкой и неподвижным прямоугольным щитком (рис. 9: 1, 6). Язычок с прямоугольным выступом, конец загнут на рамку, заострен. Ременная петля широкая (1,4×0,6 см). На рамке имеется желобок для язычка, в щитке — маленькое прямоугольное отверстие для его крепления. С обратной стороны щитка находится штифт с бронзовой пластинкой. Общая длина — 2,3 см, длина рамки — 2,2 см, ширина рамки — 1,25 см, размеры щитка — 1,6×1,1 см.

7. Бляшки (2 экз.) серебряные литые «двууголие» (рис. 9: 3, 8) с почти прямыми сторонами и горизонтальным нижним краем, с четырьмя симметричными круглыми отверстиями. С обратной стороны между отверстиями расположены вертикально два штифта с квадратными бронзовыми пластинками. Длина — 2,5 см, ширина — 1,9 см.

8. Бляшки (2 экз.) серебряные, литые, щитовидные (рис. 9: 2, 7), гладкие, с горизонтальным верхним краем, немного заостренные внизу. В верхней части имеются два широко расставленных круглых отверстия. С обратной стороны над отверстиями расположены два штифта с бронзовыми пластинками. Длина — 2,7 см, ширина по верхнему краю — 2,0 см.

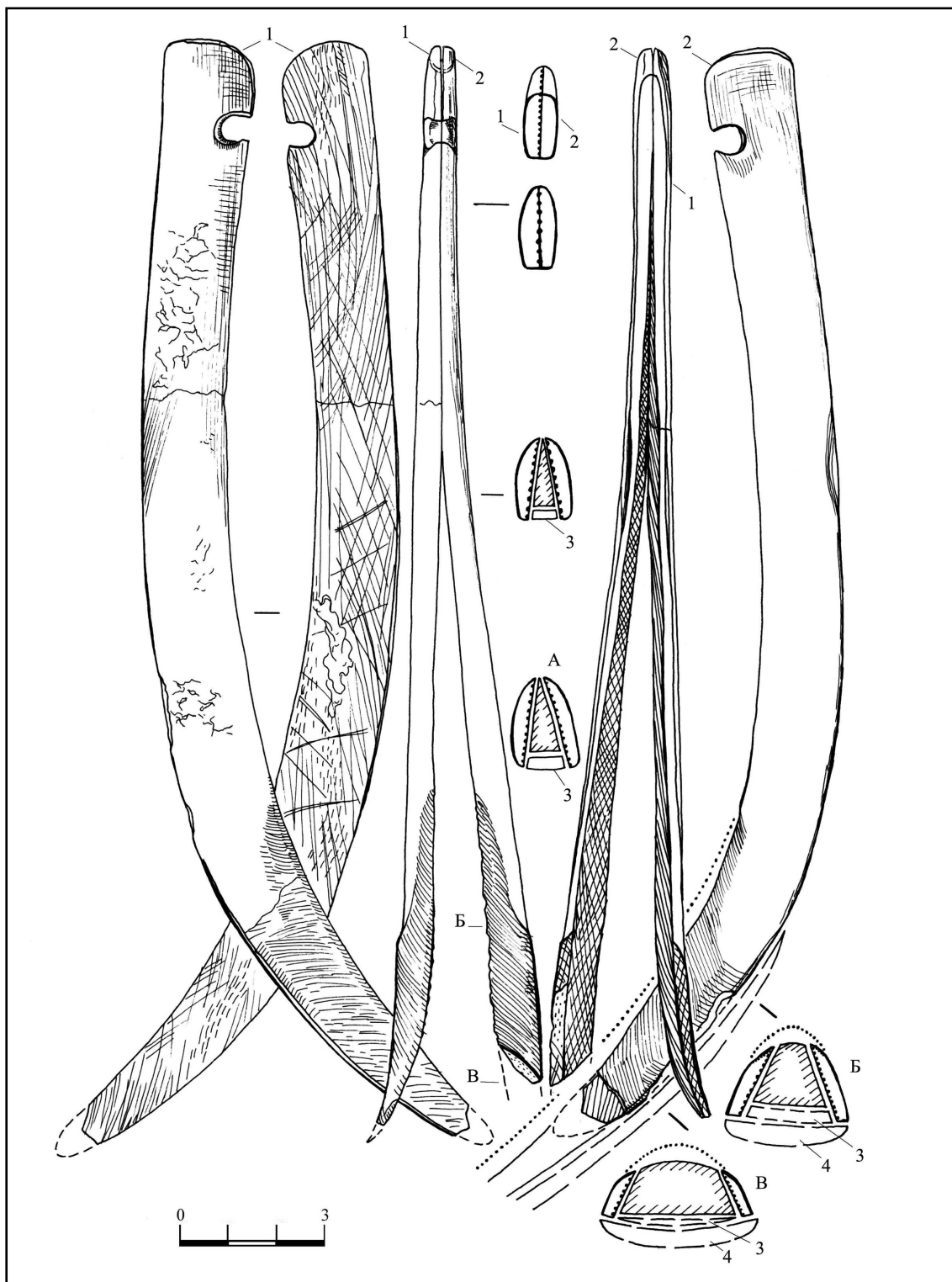

Рис. 6. Костяные обкладки лука (реконструкция А.М. Савина и А.И. Семенова).

Fig. 6. Bone covering of bow (reconstruction according to A. Savin and A. Semenov).

9. Наконечники (2 экз.) серебряные, литые, U-образные (рис. 9: 4, 9) от добавочных ремешков, с двумя круглыми отверстиями и намеченным продольным ребром. У внешнего края отверстий имеются насечки. Верхний

край горизонтальный, нижний заострен. С обратной стороны выше отверстий расположены два штифта с бронзовыми пластинками для крепления. Длина — 2,9 см, ширина — 1,5 см.

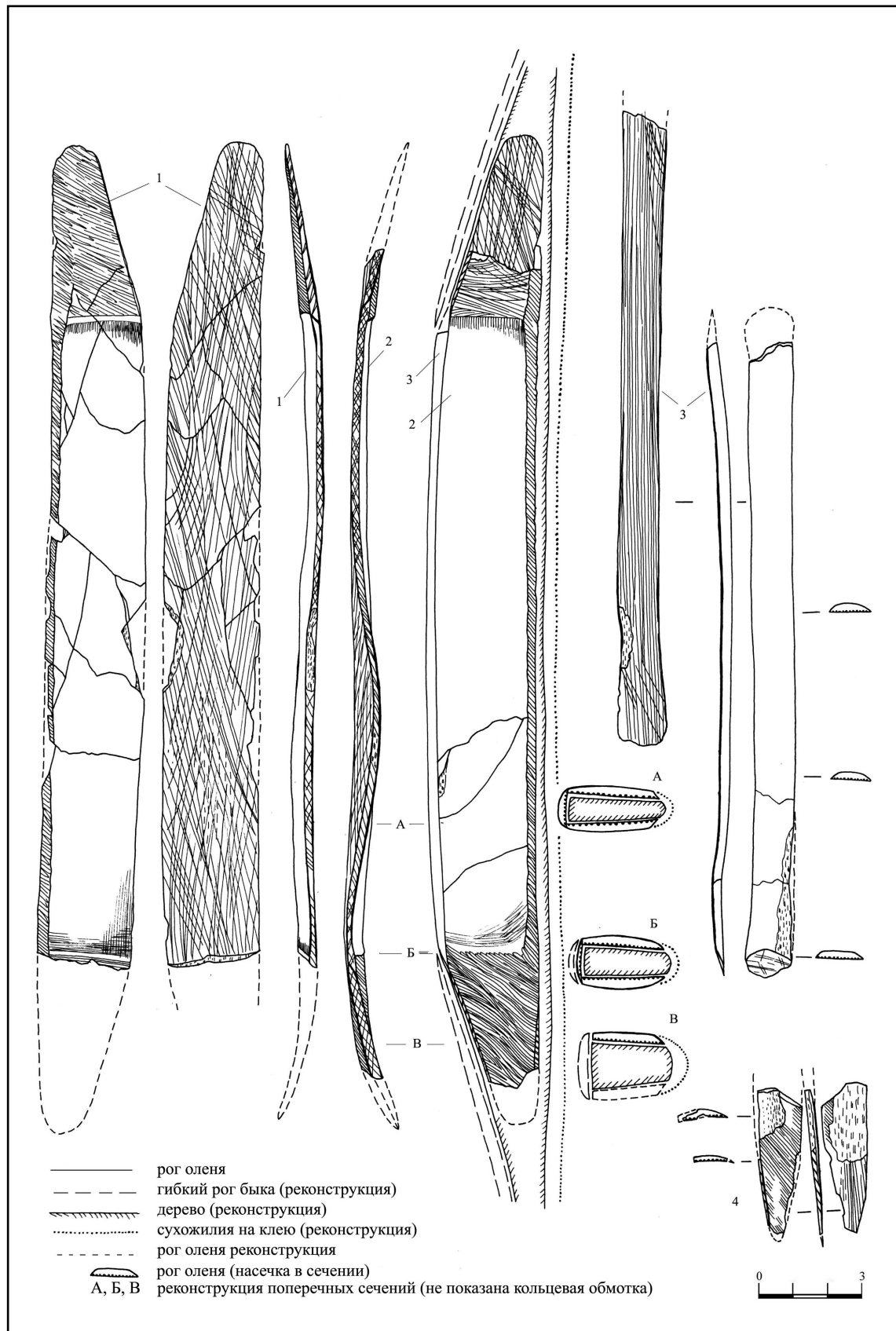

Рис. 7. Костяные обкладки лука (реконструкция А.М. Савина и А.И. Семенова).

Fig. 7. Bone covering of bow (reconstruction according to A. Savin and A. Semenov).

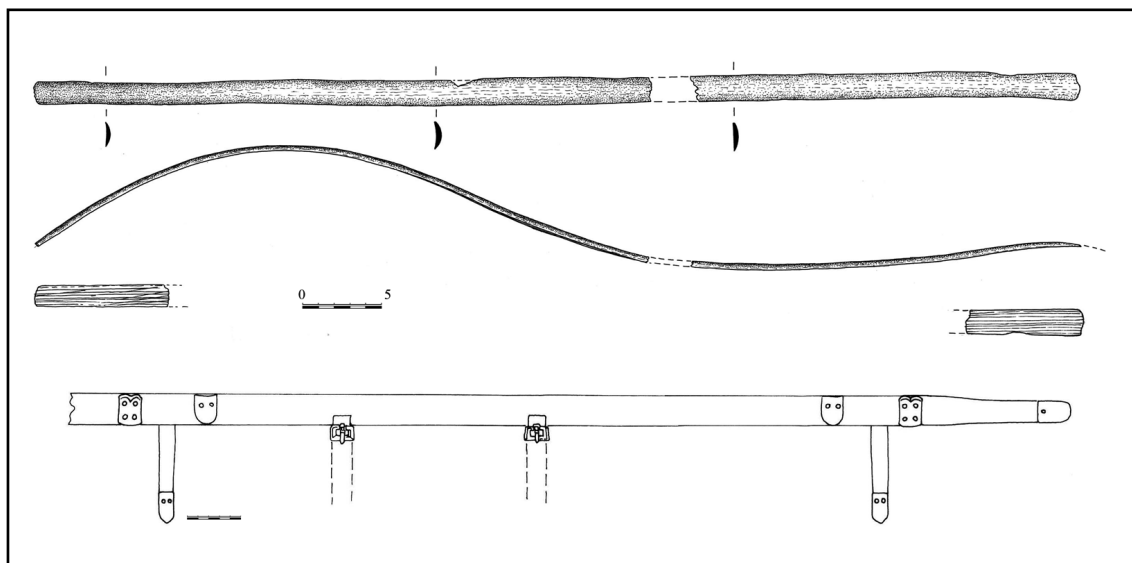

Рис. 8. 1 — костяная обкладка седла; 2 — графическая реконструкция пояса.

Fig. 8. 1 — bone covering of saddle; 2 — graphical reconstruction of the belt.

10. Наконечник пояса серебряный (рис. 9: 5), состоящий из двух тонких пластинок с горизонтальным верхним краем и округленным нижним (коробчатый). В одной из пластинок вверху имеется круглое отверстие. Узкая соединительная пластинка отсутствовала. Длина — 2,85 см, ширина — 2,0 см.

11. Нож железный (рис. 12: 4) с прямым клинком и плоским выделенным черенком со следами тлена от деревянной рукояти. Острие утрачено в древности. Длина сохранившейся части — 12,3 см, длина черенка — 1,2—2,2 см, наибольшая ширина клинка — 2,3 см.

12. Бусина подвесная (рис. 10: 4) уплощенно-цилиндрическая из плотной известняковой породы белого цвета. Диаметр — 3,35 см, высота — 1,1 см, диаметр отверстия — 0,8 см.

13. Меч (рис. 10: 1—3, 5, 6) железный с узким ровным обоюдоострым клинком, напускным эллипсовидным перекрестьем и рукоятью-штырем. На рукояти сохранился тлен дерева, у верхнего конца имеется сквозной железный штырь. Перекрестие массивное, с далеко выступающими концами, украшено накладкой, выполненной в технике перегородчатой инкрустации. Накладка представляет собой золотую пластину размерами 9,6×1,2 см с высоким напаянным бортиком. Внутренняя часть разделена напаянными перегородками на гнезда, в основном, геометрической формы. По краям расположены квадраты, в которые вписаны ромбы с кружком

внутри. В верхней части накладки расположены круглые гнезда, в нижней — почковидные, разделенные пополам. Пластина делится на две симметричные половины центральным узким прямоугольным гнездом с зигзагообразным краем. В центральном гнезде — вставка зеленого цвета (похоже на стекловидную массу), другие гнезда заполнены плоскими пластинками из полупрозрачного красно-коричневого сердолика. Выше перекрестия, у основания рукояти, имеется узкая золотая накладка размерами 2,8×0,5 см, разделенная вертикальными перегородками на 9 прямоугольных гнезд с коричневыми сердоликовыми вставками. Вторая узкая накладка размерами 5,85×0,5 см расположена ниже перекрестья. В средней части имеется прямоугольное гнездо, по бокам — треугольные гнезда из напаянной зигзагом ленточки. В гнезда вставлены пластинки красно-коричневого сердолика.

Клинок меча в сечении уплощенно-линзовидный. На клинке прослеживались остатки тлена от деревянных ножен. Ножны имеют цилиндрический наконечник, свернутый из тонкого серебряного листа. Основание наконечника закрыто овальной пластинкой. Края наконечника вверху и внизу окантованы узкими полосками металла. Таким же образом изготовлено цилиндрическое навершие. Края пластины скреплены заклепкой. Для крепления к портупейным ремням ножны имели две скобы. На деревянную основу (сохранился тлен) были наложены P-образные серебряные пластинки с двумя круглыми за-

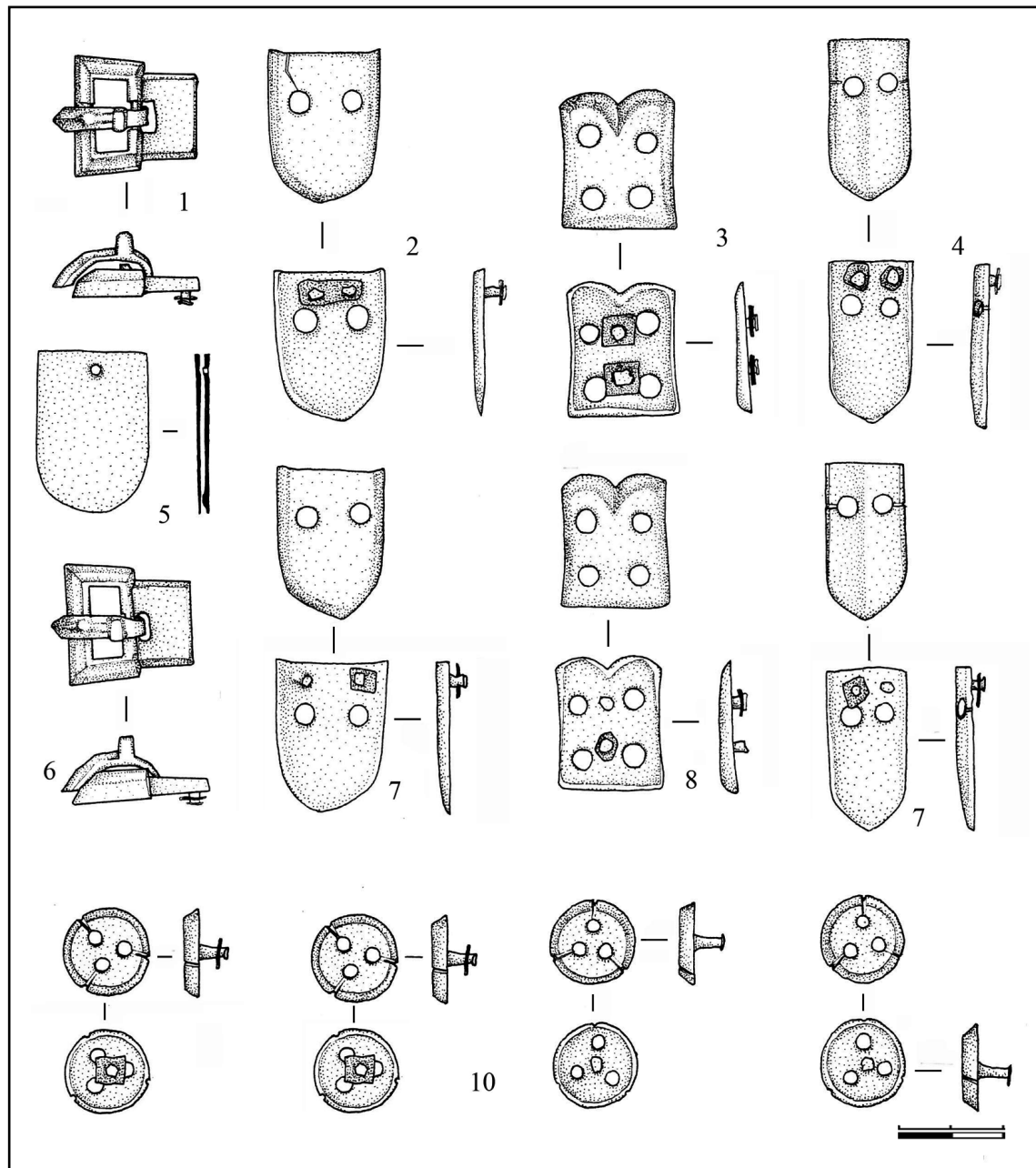

Рис. 9. 1—9 — серебряные детали пояса; 10 — серебряные уздечные бляшки.

Fig. 9. 1—9 — silver belt details, 10 — silver bridle pendants.

клепками сверху и внизу. Внешний край скоб окантован узкой (ширина — 0,5 см) ленточкой, крепившейся к деревянной основе тонким штифтом. С внутренней стороны имелись овальные петли для ремешков размерами 1,3×0,7 см. Верхняя скоба расположена непосредственно под перекрестьем, вторая на 53 см ниже. Размеры: длина меча — 100,8 см, длина штыря рукояти — 13 см, ширина клинка — 5 см, длина перекрестья — 10 см, ширина перекрестья — 1,7 см, длина наконечника ножен — 13 см, диаметр — 4×1,7 см, высота на вершине — 4,2 см, диаметр — 3,4×2,1 см, дли-

на скобы с боковой обкладкой — 6,7 см, длина Р-образной накладки — 5,7 см, максимальная ширина — 2,5 см, ширина «ножки» — 0,9 см.

14. Серьга литая золотая (рис. 12: 1) в виде калачика с сомкнутыми заостренными концами. К нижней широкой части припаяны четыре шарика зерни в виде перевернутой пирамидки. Высота — 1,6 см, диаметр — 1,2 см.

15. Панцирь, состоящий из длинных и коротких полос, набранных из железных пластин разных типов (рис. 11; 12: 5). Длина по нижнему краю — 119 см, ширина — 60 см. Нижний край панциря состоит из трех полос длиной

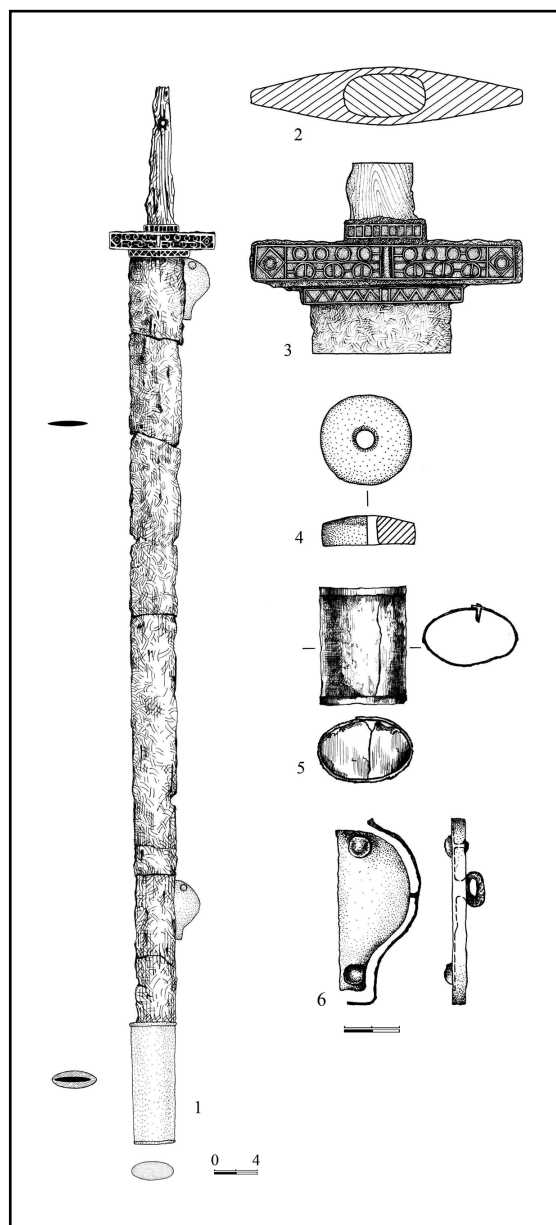

Рис. 10. 1 — железный меч; 2 — поперечное сечение перекрестия; 3 — инкрустированные накладки перекрестия (золото, сердолик); 4 — подвешная бусина (известняк); 5 — серебряное навершие; 6 — серебряная скоба с железной петлей.

Fig. 10. 1 — iron sword; 2 — cross-section of the cross-guard; 3 — encrusted decorations of the hilt (gold, carnelian), 4 — suspended bead (limestone), 5 — a silver pommel, 6 — silver bracket with an iron loop.

110—119 см, набранных из пластин типа 2. Полосы набраны от боковых сторон панциря к центру, где в каждой полосе имеется соединительная пластина того же типа. Пластины заходят друг на друга на 1 см, полосы — на 0,5 см. Соединялись пластины между собой, очевидно, ременной связкой, так как от-

верстия не забиты ржавчиной. Другие полосы панциря набраны таким же образом.

Четвертая снизу полоса панциря длиной 106,8 см набрана из пластин 5 типа.

Верхняя часть панциря состоит из коротких полос: четыре полосы в центре и по три плечевых полосы на краях. Крайние полосы расположены наклонно. Длина плечевых полос с левой стороны — 40—44 см. Пластины 3 типа набраны слева направо. Длина плечевых полос с правой стороны — около 40 см, края заходят под центральные полосы на 4 см. Пластины типа 1 набраны справа налево.

Три центральные полосы в верхней части панциря, длиной 40—44 см, состоят из пластин 3 типа. Полосы набраны от краев к середине, где находится соединительная пластина. Четвертая полоса разорвана и сдвинута, набрана таким же образом, но из пластин типа 1.

У нижнего края панциря находятся обрывки трех полос, две из которых состоят из пластин типа 2, одна — типа 5. Длина полос — 20 см, 18 см, 9,5 см.

Панцирь лежал изнаночной стороной наружу. С лицевой стороны имеется еще три обрывка полос длиной по 40 см, состоящих из пластин 2 типа. Полосы расположены в нижней части панциря, по центру. Каждая полоса состоит из 31 пластины, 15 из которых набраны слева направо, следующие 15 — справа налево. Между ними — соединительная пластина. На третьей снизу полосе лежала единственная пластина типа 4.

Типы пластин

Тип 1. Длинные стороны прямые, немного закруглены на концах с одной стороны. Восемь отверстий расположены попарно на концах и в средней части у краев пластины (рис. 11: 1). Длина — 9 см, ширина — 2 см.

Тип 2. Длинные стороны прогнутые, концы округлены. На длинных сторонах имеются по 4 отверстия, расположенные попарно в местах небольшого расширения пластины. На коротких сторонах — по одному отверстию (рис. 11: 2). Длина пластин — 8,5 см, ширина — 1,8—2,0 см.

Тип 3. С расширением в центральной части, где расположены 4 отверстия, попарно с каждой стороны. По одному отверстию имеется на ровно срезанных концах пластины (рис. 11: 3). Длина — 9 см, ширина в центре — 2,2 см, ширина на концах — 1,5 см.

Тип 4. Длинные стороны прогнуты в средней части и скошены к концам. Шесть отверстий расположены попарно в середине и на кон-

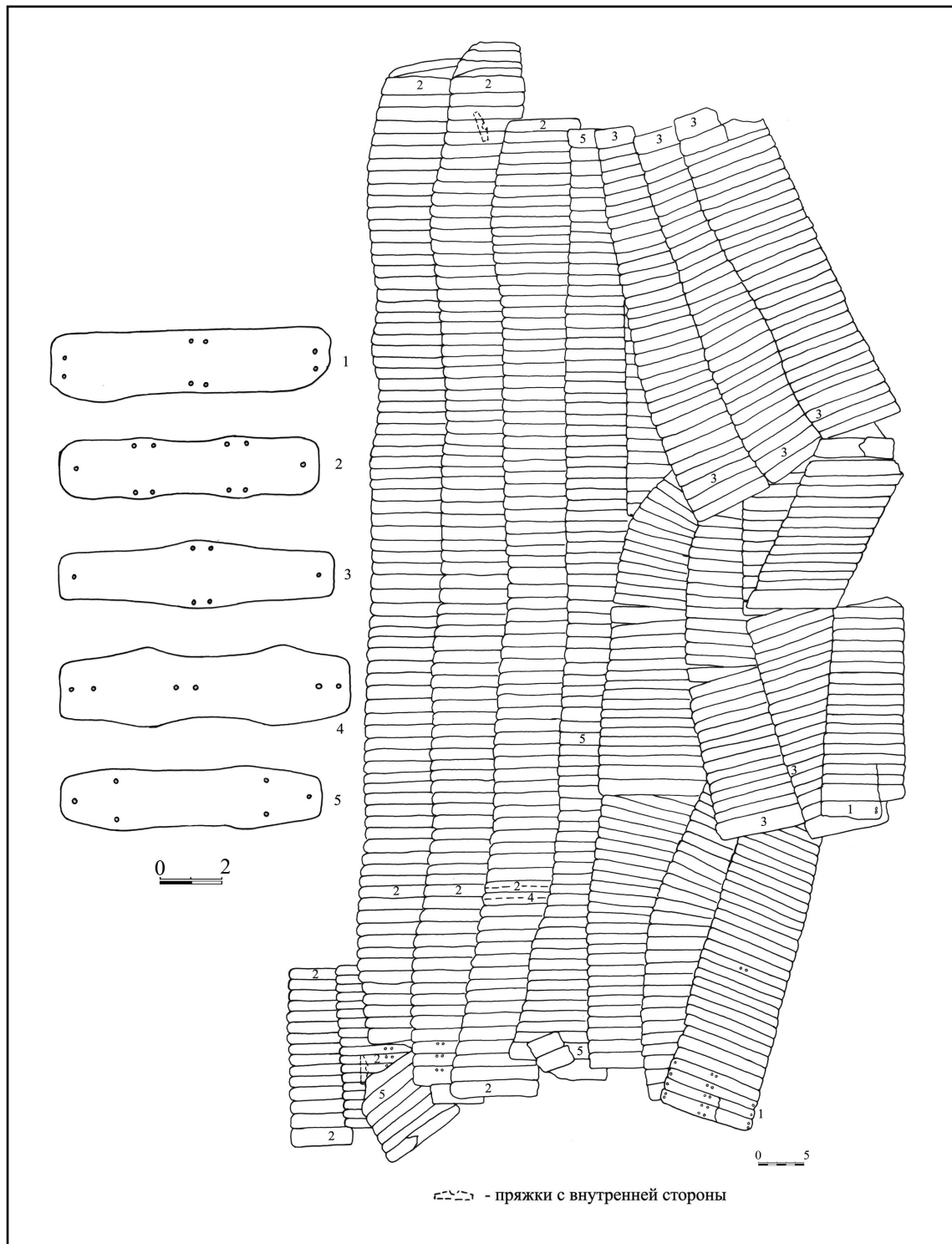

Рис. 11. Железный панцирь и типы пластин.

Fig. 11. Iron armour and types of plates.

цах по длинной оси пластины (рис. 11: 4). Длина — 9,5 см, ширина — 2—2,6 см.

Тип 5. Длинные стороны прогнутые, скошены к концам от места прогиба. Шесть отверстий расположены по три на концах пластин: по одному на длинных сторонах и по одному

на коротких (рис. 11: 5). Длина — 8,5 см, ширина — 1,8—2,0 см.

16. Пряжки костяные (2 экз.), трапециевидной формы, с прямоугольным вырезом в верхней части (рис. 12: 2). Длина — 3,2 см, высота — 1,05 см.

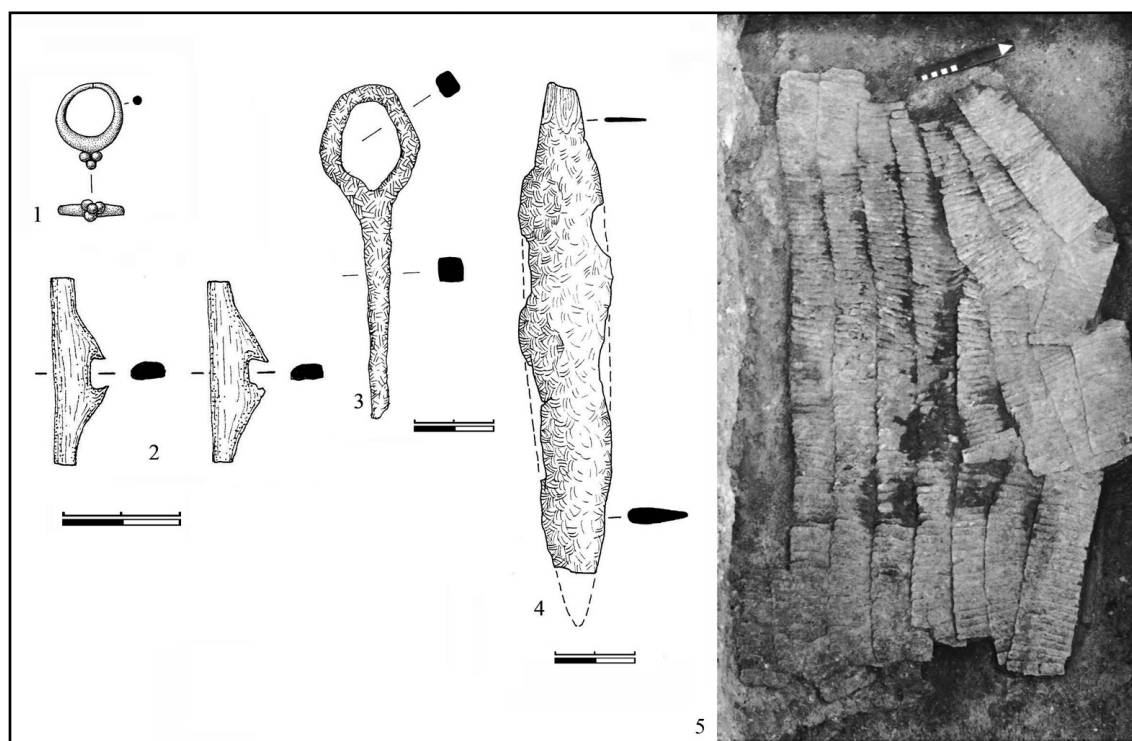

Рис. 12. 1 — золотая серьга; 2 — костяные пряжки от ремешка панциря; 3 — фрагмент железных удиц; 4 — железный нож; 5 — железный панцирь in situ.

Fig. 12. 1 — golden earring; 2 — bone buckles for thong of armour, 3 — piece of iron bridle, 4 — iron knife, 5 — iron armour in situ.

17. Фрагмент железных кольчатых удиц (рис. 12: 3). Сохранившаяся длина — 8,2 см, диаметр кольца — 3×2,5 см.

18. Фрагменты (5) кружального сероглиняного кувшина. Форма сосуда не восстанавливается. Горло и плечики орнаментированы горизонтальными каннелюрами, дно плоское, с небольшой закраиной. Глина плотная, с примесью песка.

Анализ инвентаря

Котлы

Литой котел из погребения у хут. Малаи учтен И.П. Засецкой в сводке котлов гуннского типа и при картографировании находок (Засецкая, Боковенко 1993: 84, рис. 3: 53; Засецкая 1994: 210, №53; Zaseckaja, Vokovenko 1994: 710, fig. 7: 53), но не использован в типологии, так как его реконструкция была сделана нами недавно. Котел относится к варианту 2 группы 2. Ранее в этой подгруппе было три котла (Засецкая 1994: 106; Zaseckaja, Vokovenko 1994: 707, fig. 1: 1—3). Наиболее близок котлу из Малаёв по размерам, форме тулова и ручек, а также по элементам орнамента экземпляр из Осоки бывшей Симбирской губернии (Kovrig 1972: 106,

Abb. 13: 2; Vóna 1991: Abb. 14: 2; Zaseckaja, Vokovenko 1994: fig. 1: 2 (35); Засецкая 1994: 210, рис. 22: 3, №35⁴). В группу 2 включены котлы конца IV—V в.н.э. с территории Восточной Европы (Засецкая, Боковенко 1993: 73; Zaseckaja, Vokovenko 1994: 706). Эту группу нужно дополнить находками котлов варианта 1 из аланского склепа в селении Хабаз на территории Кабардино-Балкарии (Батчаев 1984: 257, 258, рис. 2; Абрамова 1997: 52, 66, рис. 44: 18) и из Полтавской губернии (Левченко, Супруненко 1994: 77—80, рис. 30; 31). Интересно, что котел, найденный в Полтавской губернии, был так же разрублен на куски, как и котел из Малаёв. Последняя известная нам находка котла 1 варианта была сделана в 2006 г. в Венгрии, на южном побережье озера Балатон. Котел происходит из хозяйственной ямы на поселении Балатонлелле-Радпуста⁵.

⁴ В монографии И.П. Засецкой 1994 г. на рис. 22 перепутаны подрисовочные подписи. Котел из Осоки изображен под цифрой 3, а котел из Хекрихта под цифрой 2.

⁵ Благодарим Валерию Кульчар за информацию об этой находке.

Второй котел из погребения у Малаёв — цельнокованный и, в отличие от подобных ему, имеет рифленые стенки. Котелки наиболее близкой формы происходят из разрушенного комплекса у совхоза им. Калинина (Высотская, Черепанова 1966: 195, рис. 5: 2), из могильников у городища Гиляч (Минаева 1965: 230, рис. 5: 11), Лермонтовская скала-2 (Рунич 1976: 261, рис. 2: 1) и Дюрсо (Дмитриев 1979: 226, рис. 10: 4). Комплекс у совхоза им. Калинина И. П. Засецкая включила в хронологическую подгруппу 1б, которая в целом датируется первой половиной V в. (Засецкая 1994: 113, 130). Погребение №4 — 1965 г. у городища Гиляч с клепаным котелком Т. М. Минаева отнесла к IV—V вв. (Минаева 1982: 233), а другие исследователи датировали его V в. (Амброз 1989: 36; Абрамова 1997: 50). Материалы катакомбы 10 из могильника Лермонтовская скала-2 датированы IV—V вв. (Рунич 1976: 266; Абрамова 1997: 28, рис. 20; 21). А. К. Амброз показал, что наряду с вещами V в., в катакомбе присутствовали предметы VII в. (Амброз 1989: 37, 38, 61, 62, рис. 11; 42). Погребение 500 из Дюрсо отнесено автором раскопок по фибулам вариантов 1а и 1б к переходному периоду II этапа существования могильника и датировано первой половиной или даже первой третью VI в. (Дмитриев 1982: 103, 104, 105). Эта дата была поддержана А. К. Амброзом (Амброз 1989: 51, 52). М. М. Казанский предложил для фибул типа 1б новую датировку — последняя четверть V — первая треть VI в. Погребение 500 он помещает между 1—2 (450—480/490 г.) и 3 (470/480—530/540 г.) фазами могильника Дюрсо (Казанский 2001: 45, 46, 50, 56).

Лук

В комплексе сохранились костяные обкладки от сложносоставного лука: две боковые и одна тыльная срединные, одна пара концевых накладок.

В настоящее время, благодаря исследованиям А. М. Савина, А. И. Семенова и Е. В. Круглова, разработана типология и хронология сложносоставных луков средневековых кочевников. Этими исследователями выделены основные типологические признаки, характерные для нескольких конструктивно-технологических типов сложносоставных луков средневековых кочевников восточно-европейских степей (Савин, Семенов 1989; 1990; 1995; 1998; Круглов 2005). По характерным признакам лук из Малаёв можно отнести к «гунно-болгарской» технологии по терминологии А. М. Савина и А. И. Семенова (Савин, Семенов 1998: 293) или к «тюрко-хазарской»

по терминологии Е. В. Круглова (Круглов 2005: 74—76, 83).

Луки этого типа часто встречаются в раннехазарских погребениях VII в. типа Сивашовки и Соколовской балки (Круглов 2003: 117—120). Размеры концевых, срединных боковых и тыльной накладок лука из погребения в Малаях⁶ полностью совпадают с накладками лука из погребения 2 Таганского грунтового могильника. Отличие боковых накладок лука из Малаёв — округленные концы. Подобное оформление концов, по-видимому, впервые встречено у луков данного типа. Концевые накладки по длине и изгибу аналогичны накладкам с Ильичевского городища (Круглов 2005: рис. 12—18; 20: 2, 3). Такие же длинные накладки рукояти имеет лук из погребения 2 кургана 2 Сивашовки. Погребения горизонта Сивашовки в настоящее время датируют второй — третьей третью VII в. (Комар и др. 2006: 309, 319, 323, рис. 34). Ранними признаками лука из Малаёв, характерными для образцов гуннского времени, являются расположение отверстия для тетивы на расстоянии, равном ширине пластины, и отсутствие тыльных концевых накладок, что отмечено и для оружия переходного «огуро-савирского» типа (Круглов 2005: 77, 78).

Обкладка седла

По мнению Е. В. Круглова, узкая длинная костяная пластина, представляет собой накладку боковой грани полки седла (Круглов 2005: 83). Очевидно, он прав, так как А. И. Семенов и А. М. Савин не использовали эту деталь при реконструкции лука.

Бляшки от конской сбруи

Аналогичных бляшек известно не много. Они есть на Кавказе в могильнике Чир-Юрт VII — начала VIII в. (Ковалевская 1996: 8, рис. 3; Гавритухин, Обломский 1996: рис. 80: 37). В Приуралье однотипные бронзовые бляшки от уздечки найдены в погребении 223 Неволинского могильника конца VI—VII вв. (Голдина, Водолаго 1990: LXIV: 2; XXXI; 20). Аналогичную форму имеет круглая часть сдвоенных обувных бляшек, характерных для степных курганных погребений второй — третьей трети VII в. (Комар и др. 2006: 309, рис. 12: 15; 13: 15; 48: 8, 19, 20; Атавин 1996: 216, 226, 228, 229, табл. 10:

⁶ Е. В. Круглов привел неправильные размеры накладок из этого комплекса (Круглов 2005: 83). По-видимому, он снял их с фотографий в нашем полевом отчете, не используя приложенную опись находок.

7). Такие же сдвоенные бляшки происходят из разрушенного погребения второй половины VII в. у ст-цы Краснокубовской. В этом комплексе присутствуют и плоские круглые бляшки с тремя отверстиями (Безуглов 1985: 248, 249, 251, рис. 1: 5—7, 8—10).

Меч

И.П. Засецкая относит меч из Малаёв к тому же типу, что и мечи из погребений у с. Новогригорьевка и балки Вольная Вода. Меч имеет напускное перекрестие, но не ромбовидное в плане, как у меча из Новогригорьевки, а эллипсовидное. С мечом из с. Дмитриевка (балка Вольная Вода) его сближают далеко выступающие концы перекрестия и орнаментация вставками цветных камней (Засецкая 1994: 23, 24, 29, табл. 3, 1, 1а; 10, 8, 9). По стилю орнаментации перекрестья обоих мечей относятся к IV группе полихромных изделий по И.П. Засецкой (Засецкая 1982: 20, 26). К этой же группе принадлежит и меч из Тамани с бронзовыми инкрустированными накладками на перекрестье (Эпоха Меровингов... 2006: 327, кат. I. 34. 5). Перекрестье нашего меча выделяется разнообразием элементов, из которых состоит орнамент, и их композицией. Подобный набор орнаментальных деталей мы встречаем на полихромных изделиях из Боспорских склепов последней четверти IV — первой половины V в. (Засецкая 1993: табл. 18, кат. №57; табл. 28, кат. №130). Гнездо для центральной вставки на перекрестье меча из Малаёв имеет мелкозубчатый край. Этот признак становится характерным для полихромных изделий пятой стилистической группы второй половины V в. (Засецкая 1982: 22; Засецкая 2003: 35, табл. 18).

Проанализировав орнамент перегородчатой инкрустации на гардах ранневизантийских мечей, М.М. Казанский выделил 7 типов (Казанский 2007: 123, 124). По делению инкрустированного поля на две симметричные зоны мечу из Малаёв близки типы 2, 3 и 6, хотя они и отличаются однообразием декоративных элементов (Казанский 2007: рис. 44: 4—7, 13). М.М. Казанский датирует мечи типа 2 первой половиной V в. (Альтлюсхейм) и второй половиной V — первой третью VI в. (Тамань), мечи типа 3 (Дмитриевка, Дюрсо) — второй половиной V в., типа 6 (Мокрая Балка) — концом IV — серединой V в. (Казанский 2007: 136, 137). Дату нашего меча, скорее всего, нужно ограничить рамками первой половины — середины V в.

Детали ножен меча являются более поздней доделкой. Близкие по форме серебряные

скобы, цилиндрическое навершие рукояти и короткий наконечник ножен имеет однолезвийный меч из погребения 2 кургана 29 у хут. Чапаевский, которое автор публикации датировал первой — началом второй трети VII в. (Атавин 1996: 209, 210, 228, табл. 5). Подобным же образом оформлены ножны мечей из Уч-Тепе и кургана 5 Виноградного могильника (Комар 2006: 110, 111, рис. 44: 1, 2, 4). Однако это еще не значит, что ножны меча из погребения в Малаях были обновлены не ранее VII в.

Цилиндрические наконечники ножен и навершия, свернутые из металлического листа, по-видимому, впервые появляются у мечей гуннской эпохи. По крайней мере, у сарматов они не были отмечены (Симоненко 2010: 61; Хазанов 2008: 66). Золотые наконечники известны в комплексе предметов V в. н.э. из Керчи и погребения в Сегед-Надьсекшош (Отчет Имп. Росс. Ист. Музея ... 1916: 75—77; Fettich 1953: 131, 191, pl. VI, 15; XX, 5). Рукоять меча из погребения в Батасеке, согласно реконструкции И. Боны, имела цилиндрическое навершие, изготовленное из золотого листа (Bóna 1991: Taf. 56).

Скобы

Приспособления этого типа для ношения меча в археологической литературе, чаще всего, называют скобами, а также петлями или выступами. Опираясь на известные изображения кинжалов и мечей, А.К. Амброз предположил, что выступы на ножнах мечей появляются примерно в середине VI в., причем P-образные выступы он считал самыми ранними. Археологических находок мечей с выступами этого времени до сих пор не было известно (Амброз 1986: 53, 56, рис. 1). Кинжалы с P-образными скобами на ножнах, очевидно, появились раньше. Наиболее ранним является погребение у озера Боровое, где были найдены детали и золотые инкрустированные украшения ножен кинжала с одной P-образной скобой (Засецкая 1975: кат. №28; Засецкая 1994: 124—126). Кинжал И.П. Засецкая считает одним из наиболее поздних предметов в погребении. В целом, вещевой комплекс датирован V — первой половиной VI в., а время захоронения исследовательница отнесла к концу V — началу VI в., но не позднее (Засецкая 1994: 126; Засецкая, Казанский 2007: 89, 90). А.К. Амброз же датировал древности типа Борового в рамках VI—VII вв. (Амброз 1986: 69). По стилю перегородчатой инкрустации скобе из Борового близка скоба из Северного Причерноморья (местом находки считается Тамань или Майкоп), которая

хранится в Римско-Германском музее Кельна. Исследователи датировали этот предмет по-разному — от III—IV в. до первой половины VI в. (Damm 1988: 181, 182, Kat. Nr. 104, Abb. 191—193). Однако, декоративные особенности скобы позволяют отнести ее к IV стилистической группе полихромных изделий по И.П. Засецкой, т.е. к концу IV — первой половине V в. (Засецкая 1982: 20—22, 25, 26). Эта скоба имеет правильную P-образную форму, отличающуюся от петель из Малаёв более длинной и прямой ножкой.

Простые кинжалы из Ровного и Иловатки также имеют гладкие бронзовые выступы, окантованные узкими полосками, весьма близкие по форме выступам на мече из Малаёв. Причем, реконструкция выступов для кинжала из Ровного является условной (Амброз 1986: 58, 59, рис. 3: 8, 30). В настоящее время горизонт Иловатки (период I) относят к первым десятилетиям VII в. — около 610—643 гг. (Комар 2006: 123, 124). Комплекс из кургана 42 у с. Ровное И.П. Засецкая включила в хронологическую группу 16, которая в целом датируется первой половиной V в. Узкие бронзовые пластинки со штифтами она считает деталями окантовки седла (Засецкая 1994: 130, 181, табл. 29: 10). Судя по изображениям в раннесредневековых китайских памятниках, оформление ножен мечей петлями с P-образными выступами широко применялось во второй половине VI в. (Koch 2006: 30, 34, Abb. 12; 16).

Подвесная бусина

В степных погребениях гуннской эпохи с мечами часто встречаются бусины из различных полудрагоценных материалов. Все их И.П. Засецкая называет навершиями рукояти (Засецкая 1994: 31). Несомненно, навершием является предмет из Брюхановского выселка, в отверстие которого вставлен бронзовый гвоздь для закрепления в рукояти. Предмет из могилы IX у Новогригорьевки имеет бронзовую петлю для подвешивания (Засецкая 1975: кат. 38, 89; Засецкая 1994: табл. 3, 8; 45, 2) и вряд ли может считаться навершием (Bóna 1991: Abb. 52). Пастовая бусина-подвеска с петелькой найдена в катакомбе 10 у Лермонтовской скалы — 2 (Рунич 1976: 260, рис. 5: 2; Bóna 1991: Abb. 22/3).

Бусины-подвески обычны и для мечей гуннского времени из Западной Европы. Бусина из погребения первой половины V в. в Ботасеке отличается от новогригорьевской только орнаментом перегородчатой инкрустации (Ковриг 1982: 7, 8, рис. 3: 10; Bóna 1991: 175, Farbtaf. XVI, Taf. 56). Встречаются и ян-

тарные бусины, подобные найденным с мечами из Дмитриевской и Калинина (Bóna 1991: Abb. 22/2, 61). В Западной Европе в комплексах с мечами второй половины V в. известны цилиндрические бусины-подвески (Menghin 1983: Kat. 43, 1h; Kat. 56, 1f). Традиция украшения мечей подвесными бусинами сохранялась долгое время. Бусина из плотного известняка, как писал автор публикации, «неясного назначения» присутствует среди инвентаря разрушенного погребения у ст-цы Красюковской второй половины VII в. (Безуглов 1985: 248, 251, рис. 1: 20). Некоторые бусины, имеющие вместо петли широкое отверстие, в принципе, могли надеваться на рукоять, но бусина из погребения в Малаях, несомненно, подвешивалась к рукояти, потому что у меча есть серебряное цилиндрическое навершие.

Пряжки портупейные

Пряжки относятся к варианту 9 типа 1 по классификации А.И. Айбабина. В Крыму они датируются первой половиной VII в. (Айбабин 1990: 49, рис. 46: 25). Однотипные серебряные пряжки из западных Кугульских склепов 3 и 5 отличаются от пряжек из Малаёв узкой ременной щелью. А.К. Амброз заметил, что более широкая щель характерна для некоторых пряжек второй половины VI в. (Амброз 1989: 55, рис. 24: 2; Амброз 1994: 49; Рунич 1979: рис. 3: 25; 8: 6).

Пряжки этого типа, предположительно, относят к портупейным ремням. По размерам все они немного меньше пряжек из Малаёв. Три пряжки с железными язычками найдены в погребении 2 кургана 3 у с. Сивашовка третьей четверти VII в. (Комар и др. 2006: 282, 283, 309, рис. 12: 23—25; 13: 19, 22, 23). Одна пряжка без выступа на язычке происходит из погребения 3 кургана 5 Виноградного могильника (Комар 2006: рис. 45: 18; Комар и др. 2006: 282). У пряжки из «Царского» кургана также нет выступа на язычке. Комплекс был датирован последней третью VII — первой половиной VIII в. (Атавин 1996: 213, рис. 16: 4).

U-образные наконечники добавочных ремней

Геральдические наконечники U-образной формы с продольным ребром и двумя отверстиями имеют ранние прототипы, состоящие из двух узких удлинённых пластин с округленным концом. Такие серебряные наконечники найдены в катакомбе Ухтамьшского кургана 2, которую авторы публикации датировали концом IV — первой половиной V в. (Котович и др. 1980: 58, рис. 10: 1). И. Бона отнес это погребение ко второй половине V в. (Bóna

1991: 265, №71, Abb. 71). Подобный наконечник известен также из раскопок Тураевских курганов конца V — первой половины VI в. (Амброз 1971б: 107, рис. 9: 19).

Появление поясов с дополнительными ремешками и геральдическими наконечниками на материалах Крыма зафиксировано с середины VI в. (Айбабин 1990: 57). U-образные наконечники с ребром и двумя отверстиями, в отличие от плоских наконечников с прорезью или линиями в верхней части, по-видимому, не получили распространения среди оседлого населения. В Крыму известен всего один экземпляр из бронзы (Скалистое, склеп 406 третьей четверти VII в.), который А. И. Айбабин не включил в свою классификацию (Айбабин, Веймарн 1983: рис. 1: 5; Айбабин 1990: 55, 179, рис. 48: 7). Нет аналогичных наконечников в могильнике Дюрсо и других памятниках Северного Кавказа (Дмитриев 1982: рис. 12; Гавритухин, Обломский 1986: рис. 46). Однако, они встречаются в степных комплексах. Три аналогичных серебряных наконечника входят в состав поясного набора из погребения 2 кургана 3 Сивашовки (Комар и др. 2006: 270, рис. 12: 10—12; 14: 4, 7, 11). В Приуралье такие наконечники происходят из комплексов конца VI—VII в. (Мажитов 1977: 22—29, табл. I: 86; Голдина, Водолага 1990: табл. XXIX: 20; LXVII: 37). По материалам Поволжья и Приуралья И. О. Гавритухин выделил две стилистические линии ремennых гарнитур. Гладкие наконечники с ребром и наконечники с прорезью не разделены и отнесены к первой линии наиболее раннего горизонта 1. Наконечники с ребром, согласно этой схеме, очевидно, появились раньше, чем наконечники с прорезью (Гавритухин 1996: 122, 126, рис. 4: 127; Гавритухин, Обломский 1996: 85, рис. 89: 55, 81, 101, 115, 127). Идентичный наконечник найден в разрушенном погребении могильника Кара-Бура 1 в Семиречье в составе гарнитуры первой половины VII в. (Торгоев 2003: 286, рис. на с. 287: 2).

«Двурогие» накладки

Эти накладки можно соотнести с вариантом 2 по А. И. Айбабину. Они существовали одновременно с двухчастными накладками варианта 1 второй половины VII в. (Айбабин 1990: 52, 53, рис. 50: 43). Все накладки из Крыма отличаются сильно прогнутыми сторонами и фигурно вырезанным основанием. Накладки из Малаёв имеют горизонтальное основание и практически прямые боковые стороны. Эти признаки характерны для наиболее ранних экземпляров горизонта 1, входящих в состав геральдических наборов первой

стилистической линии по И. О. Гавритухину (Гавритухин 1996: рис. 4: 144; Гавритухин, Обломский 1996: 85, рис. 89: 144). Серебряная накладка из погребения 2 кургана 3 Сивашовки имеет позднюю сильнопрофилированную форму, показательную для второй стилистической группы (Комар и др. 2006: 268—270, рис. 12: 5; 13, 5; Гавритухин, Обломский 1996: 85, рис. 89: 35, 50). Три аналогичных накладки входят в состав поясного набора из погребения первой — начала второй трети VII в. у хут. Чапаевский (Атавин 1996: 218, 229, тип 39, табл. 7: 1—3).

Щитовидные накладки

Прямых аналогий гладким щитовидным накладкам с двумя отверстиями нам неизвестно. Подобная накладная бляшка из погребения 10 могильника Кудыргэ в Саяно-Алтае, сопоставимая с горизонтом Вознесенки, отличается не только граненым краем и наличием ребра, но и вертикальным расположением штифтов (Комар 2001: 29—31, рис. 5: 41). Гладкая щитовидная бляшка без отверстий, с вертикально расположенными штифтами, происходит из могилы 118 Суук-Су третьей четверти VII в. (Айбабин 1990: 180, рис. 51: 28).

Возможно, гладкие щитовидные бляшки предшествовали бляшкам с отогнутыми вверх краями. Такие бляшки с двумя отверстиями, которые А. Г. Атавин датировал второй половиной VI — первой четвертью VII в., найдены в погребении 6 кургана 13 у хут. Малаи. В состав поясного набора из этого погребения входят также пряжка второй половины V — первой половины VI в. и вещи VII в. Комплекс в целом был отнесен автором публикации к периоду второй — третьей трети VII в. (Атавин 1996: 229, табл. 21, 22).

Составной наконечник ремня

Самой ранней из известных нам находок наконечников ремня этого типа является золотая пластина из разрушенного погребения в Кизиярской балке хронологической группы 1а по И. П. Засецкой (Засецкая 1994: 112, 129, табл. 7, 8). В дальнейшем этот тип наконечников становится основным для погребений раннесредневековых кочевников Восточной Европы. Его развитие шло по линии увеличения длины (Комар и др. 2006: рис. 49: 15, 32, 40). Наиболее близким по размерам является наконечник пояса из Иловатки начала VII в. (Комар 2006: 123, 124). Для более позднего времени характерны удлиненные наконечники (Атавин 1996: 225, табл. 4: 2; 21: 1; Комар и др. 2006: 271, рис. 12: 20; 14: 1).

Реконструкция пояса

Поясной набор состоит из ограниченного количества (6 шт.) накладных бляшек (2 типа) и наконечников добавочных ремней (1 тип), отличающихся простотой и лаконичностью формы. Пояс имел два дополнительных ремешка, пряжка основного ремня была обрезана в древности. К поясу крепились также две однотипные пряжки для пристегивания портупейных ремней (рис. 8: 2).

А. К. Амброз появление поясов с бляшками геральдической формы относил к I этапу по своей хронологии (вторая половина VI в. н. э.), а время существования геральдических поясов в Восточной Европе, в целом, определял второй половиной VI—VII в. (Амброз 1989: 53; Амброз 1992: 82). По материалам Суук-Су он выделил четыре группы наборных поясов. Наиболее простые наборы второй половины VI в. с однообразными прорезями были отнесены им к группе I (Амброз 1971а: 110, 114, рис. 5: 4—17, 19—24). Геральдический набор из Малаёв выглядит гораздо более «просто», чем наборы из могил 54 и 56 Суук-Су и Садовско-Кале и не имеет с ними общих деталей. Кроме того, его отличает малое количество (всего два) подвесных ремешков.

Как видно, геральдический набор из погребения 12 кургана 1 у хут. Малаи отличается и от развитых поясных наборов из курганных погребений, относящихся к горизонту Сивашовки (Комар и др. 2006: рис. 12; 13; 14; 16; Комар 2006: рис. 3—5; Комар, Орлов 2006: рис. 4; 5; Атавин 1996: табл. 5—22).

Панцирь

Наборный панцирь представляет собой едва ли не единственный почти полный и хорошо сохранившийся экземпляр ламелярного доспеха периода раннего средневековья Восточной Европы. Прослеживается конструкция панциря, состоящего из отдельно набранных длинных полос, защищавших нижнюю часть спины и живот, а также коротких полос, предохранявших верхнюю часть спины и плечи. В целом, конструкция панциря представляется подобной японскому доспеху V—VIII вв. (Robinson 1967: 169, fig. 87). В процессе расчистки, фиксации и консервации панциря было выявлено пять типов наборных пластин. Однако не исключено, что после реставрации, их окажется больше. Обрывки панциря из катакомбы 1891 г. на Госпитальной улице в Керчи дали семь типов пластин. Наиболее близкой аналогией по способу набора и системе расположения отверстий на пластинах исследователи керченского комплек-

са считают именно панцирь из погребения 12 кургана 1 Восточномалайского II могильника. Количество типов пластин и наличие на них боковых вырезов также сближают оба доспеха (Кубарев, Ахмедов, Журавлев 2003: 212, рис. 1). Но по форме и расположению отверстий только пластины типа 3 панциря из Малаёв совпадают с «ромбовидными» пластинами типа VII, отличаясь от них большими размерами (Кубарев и др. 2003: 211, рис. 1: 13). Пластины типа 2 имеют такое же расположение отверстий, что и пластины типов I, III и V керченского доспеха, в целом, совпадая и размерами (Кубарев и др. 2003: 210, рис. 1: 1, 2, 5, 8, 9). В настоящее время керченский панцирь датируют VI — началом VII в., а комплекс в целом — в пределах VI—VII вв. (Кубарев и др. 2003: 214, 219).

Фрагменты ламелярных панцирей, набранных из пластин с вырезами, известны в могильниках меровингской эпохи в Западной Европе (Becker, Riesch 2002: 597, Abb. 2: 7—9; Кубарев и др. 2003: 212, 213). В средневековых могильниках Сибири встречаются пластины с вырезами, подобные типу 4 панциря из Малаёв и типу VI керченского доспеха (Соловьев 1987: 50—52, табл. XI, 1, 2). В степных погребениях раннесредневековых кочевников из Прикубанья, кроме целого доспеха из Малаёв, известна всего одна находка панцирной пластины без вырезов из Царского кургана, датированного последней третью VII — первой половиной VIII в. (Атавин 1996: 229, 230, табл. 19, 4).

Костяные пряжки

Панцирь затягивался на поясе узким кожаным ремешком, очевидно, пропущенным через отверстия в пластинах. К концам ремешка были привязаны костяные пряжки, которые могли служить не только для того, чтобы концы ремешка не проскакивали в отверстия, но и для распутывания узлов. В известных нам комплексах раннесредневековой эпохи подобные предметы не встречаются. Наиболее близкую форму (но большие размеры) имеют костяные застёжки от конских пут из тюркских и кыргызских погребений VIII в. Приамурья, Минусинской котловины и Саяно-Алтая (Деревянко 1977: 140, 141, табл. XXVI, 12; Худяков 1980: 201, рис. 2: 2; Овчинникова 2003: 270, рис. 1: 19, 20).

Серьга

Литые серьги-калачики с пирамидками из четырех шариков зерни существовали задолго до эпохи раннего средневековья. Этот тип серег появился в Средиземноморье

(Крит, Кипр) в эпоху бронзы и проник на территорию Кавказской Албании в римское время (Карахмедова 1974: 273—275, рис. 1). Одновременно он мог стать известным и на Боспоре, где было отлично налажено ювелирное производство. Однако это предположение пока ничем не подкрепляется, так как находок подобных украшений, относящихся к римскому периоду, в Северном Причерноморье не известно.

Для погребений гуннского времени характерны литые серьги-калачики без пирамидок (Засецкая 1994: 76). Наиболее ранними погребениями с такими серьгами являются комплексы из с. Татарка (балка «Каряжка») и из урочища Кубей, которые И. П. Засецкая соответственно включила в подгруппы 1а и 1б конца IV — первой половины V в. (Засецкая 1994: 112, 113, табл. 17, 7; 46, 2). Калачик здесь еще не очень выраженный, с небольшим утолщением к середине. «Классические» золотые серьги-калачики без пирамидок известны в трех комплексах. Погребение из кургана 2 Шиповского могильника И. П. Засецкая включила во 2 хронологическую группу второй половины V — начала VI в. (Засецкая 1975: кат. №12; Засецкая 1994: 126, 127, табл. 42, 2), погребение у колхоза «Восход» датировала второй половиной V в. (Засецкая 1994: 128, табл. 32, 5), а комплекс из с. Верхнее Погромное оставила без конкретной даты (Засецкая 1978: 68, 69; Засецкая 1994: табл. 28, 5).

Богачев А. В. считает, что литые калачиковидные серьги появились в степных памятниках «гуннского круга» в конце V—VI в. (Богачев 1996: 103). Позднюю дату Шиповского кургана 2 и Верхне-Погромного он определил в пределах третьей четверти VI в. (Богачев 1995: 12—14).

В Дюрсо калачиковидные серьги наиболее характерны для IV этапа существования могильника (последняя треть VI—VII в.). А. В. Дмитриев указывает, что они встречаются с фибулами 3 варианта (погребение 451). Однако наиболее ранний комплекс с такой серьгой и фибулой варианта 1а (погребение 291) относится к началу II этапа — первой трети VI в. На IV этапе одновременно появляются серьги с пирамидкой из четырех напаянных шариков, но с проволочной петлей (Дмитриев 1982: 101, 104—106, рис. 5: 44; 12: 3, 4). М. М. Казанский объединил наиболее ранние погребения I и II этапов существования могильника Дюрсо в фазу 1—2 (450—480/490 гг.). Сюда вошли и погребения 291 и 479 с калачиковидными серьгами, хотя найденные здесь средиземноморские пряжки имеют более широкую дату и «могли суще-

ствовать и в 1-й половине VI в.» (Казанский 2001: 41, 45, 46, рис. 3: 9; 4: 11). И. П. Засецкая датировала погребение 479 серединой — второй половиной V в., так как в комплексе присутствует меч с перегородчатой инкрустацией IV стилистической группы (Засецкая 1982: 26; Засецкая 1994: 30).

Серьга-калачик с пирамидкой из четырех шариков есть в катакомбе 45 могильника Мокрая Балка (Рунич 1975: 139, рис. 4: 14). В. Б. Ковалевская, предложившая классификацию серег из аланских могильников Северного Кавказа, не отделила серьги с пирамидкой от общей массы серег-калачиков. По ее классификации серьги с пирамидкой зерни относятся к типу 1 отдела 1 и входят во вторую хронологическую группу VII в. (Ковалевская 1995: 150, 151, 171, рис. 6: 2). В последующей работе она включила серьги с «перевернутой пирамидкой» в 8 фазу могильника (Ковалевская 1996: 11, рис. 66). Согласно современным хронологическим разработкам, серьги этого типа входили в состав женских украшений горизонта «3» фазы 3 некрополя Суук-Су, которая заканчивается не ранее середины VII в. В Самтавро они присутствуют в наборах периодов 2б и 2в, датируемых в рамках VII в. (Гавритухин, Обломский 1996: 68, 78, 79, рис. 67, 79).

Погребальный обряд

Обряд погребения характеризуется признаками (впускное в более древний курган, наличие останков коня, кости лошади на ступеньке, подбойная могила, широтная ориентировка, искусственная деформация черепа), многие из которых являются наследством гуннской эпохи. По этим признакам погребение можно отнести к группе II, варианту 1б по И. П. Засецкой (Засецкая 1994: 12, Приложение 2). Искусственная деформация черепа и подбой являются иранскими (сарматскими) чертами, которые позднее отмечены и для погребений раннеболгарского времени (Аксенов, Тортика 2001: 203).

Впускные захоронения и округлые ровики характерны для комплексов VI—VII вв. (Флерова 2001: 165). Такие признаки как подбой, широтная ориентировка, обычай связывания ног, помещение тела в могилу с правой стороны наблюдаются в курганных погребениях типа Суханово второй половины VI в. Однако в этих комплексах, за исключением единичных случаев, не встречается оружие (Комар 2006: 383). Многие черты обряда имеют сходство с погребениями горизонта Сивашовки: широтная ориентировка, отдель-

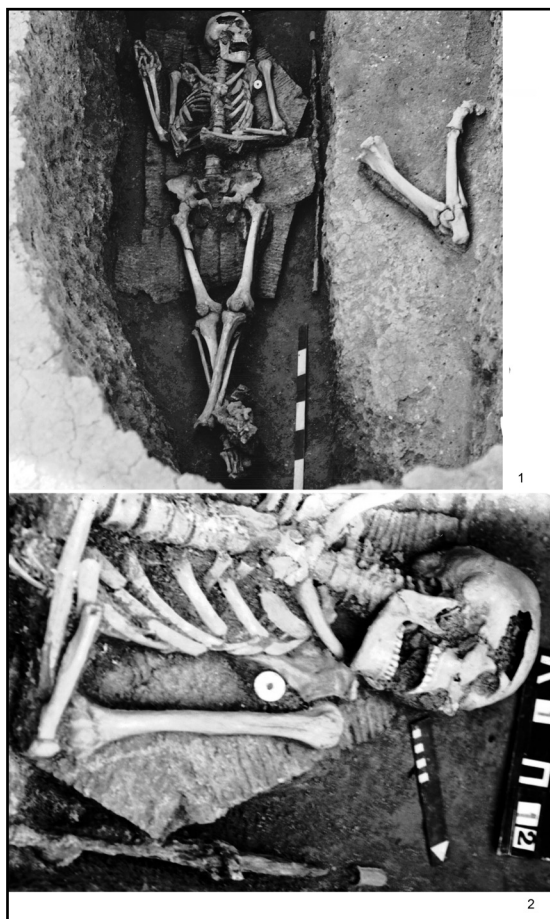

Рис. 13. 1 — скелет в погребении; 2 — череп погребенного.

Fig. 13. 1 — skeleton in the grave; 2 — skull of the deceased.

ные части коня в заполнении, наличие предметов конского снаряжения (седло, бляшки), наличие оружия (лук, меч), поясной набор. В погребении 2 кургана 2 Сивашовки также предположительно отмечен обряд срывания ремня портупей. Отличием является наличие подбоя, отсутствие костей барана и сохранение обряда связывания ног, который, по мнению исследователей, на горизонте Сивашовки исчезает (Комар и др. 2006: 282, 365; Комар 2006: 384). Однако в Сибири этот обряд доживает до IX — начала X в. (Мажитов 1977: 28, 109, рис. 15).

Не находит аналогий в раннесредневековых погребальных памятниках обряд массового жертвоприношения лошадей в курганном ровике. Тюркская традиция захоронения с конем не получила распространения в гуннскую эпоху и не характерна для восточноевропейских погребений VI в. (Засецкая 1994: 22; Комар и др. 2006: 365). В Малаях в засыпке подбоя и на ступеньке находились части двух лошадей, причем череп взрослой особи лежал

поперек могильной ямы, а кости ноги жеребенка — на ступеньке. Помещение останков коня в виде целой туши или ее частей непосредственно над погребением человека в засыпке ямы типично для протоболгарских погребений конца VII—VIII в. С угорской традицией связывается положение черепа коня на боку, поперек могильной ямы (Аксенов, Тортика 2001: 119, 202, 203; Крутлов 2005: 97, 98).

Антропология

По определению Н. И. Цветковой на костях скелета прослеживаются многочисленные признаки, свидетельствующие о всадническом образе жизни погребенного (позвонки, тазовые кости, суставные окончания костей рук и ног покрыты наростами костной ткани). Череп со следами кольцевой деформации, не имеет монголоидных черт и относится к длинноголовому европеоидному типу, близкому средневековым аланам (рис. 13: 2).

Среди антропологических материалов конца V — середины VII в. из Нижнего Поволжья известны черепа со следами искусственной деформации, что связывается с влиянием позднесарматского населения. Монголоидная примесь прослеживается незначительно. Монголоидные черты становятся доминирующими в хазарское время (Балабанова 2005: 56, 58—64). На Нижнем Дону в курганах с ровиками также преобладают черепа с монголоидными чертами (Батиева 2002: 87). По некоторым морфологическим признакам череп погребенного из Малаев напоминает череп мужчины из погребения 11 Хошеутово, который относится к смешанному монголоидно-европеоидному типу⁷.

Датировка погребения

Погребение относится к постгуннской эпохе. Однозначно датировать его трудно, так как комплекс инвентаря формировался на протяжении длительного времени. Наиболее ранними являются котлы и меч. Эти предметы использовались еще в гуннское время. Остальные вещи на основании известных нам аналогий, имеют более поздние и широкие даты, укладываемые в рамки VI—VII вв.

Однако нужно учесть то обстоятельство, что геральдический набор из погребения у хут Малаи, по всей видимости, типологически

⁷ Благодарим за консультацию антрополога М. А. Балабанову.

и хронологически предшествовал развитым поясным наборам с большим количеством накладных бляшек и наконечников дополнительных ремешков горизонта Сивашовки. Возможно, этот пояс должен занимать промежуточное положение между ранними поясами без подвесных ремешков и поясами с геральдическими бляхами и несколькими добавочными ремнями. Важно также отме-

тить, что все накладные детали пояса, пряжки и конские бляшки из Малаёв — литые, в отличие от прессованных деталей поясов VII в. Дорогое оружие и сакральные предметы (котлы) могли использоваться, конечно, долгое время, но вряд ли этот период охватывал 250 лет. Поэтому мы предлагаем отнести дату погребения если не к первой половине, то, по крайней мере, к середине VI в. н. э.

Литература

- Абрамова М. П. 1995. Катакомбные могильники III—V вв. н. э. центральных районов Северного Кавказа. *Аланы: история и культура*. Вып. III. Владикавказ.
- Абрамова М. П. 1997. Ранние аланы Северного Кавказа III—V вв. н. э. Москва.
- Айбабин А. И. 1990. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени. *МАИЭТ*. Вып. I. Симферополь.
- Айбабин А. И. 1993. Погребения кочевнической знати в Крыму конца IV—VI вв. *МАИЭТ*. Вып. III. Симферополь.
- Айбабин А. И. 1999. *Этническая история ранневизантийского Крыма*. Симферополь.
- Айбабин А. И., Веймарн Е. В. 1983. Склеп 406 Скалистинского могильника. *СА*. №4.
- Аксенов В. С., Тортика А. А. 2001. Протоболгарские погребения Подонья и Придонечья VIII—X вв.: проблема поливариантности обряда и этноисторической интерпретации. *Степи Европы в эпоху средневековья*. Т. 2. Донецк.
- Амброз А. К. 1971 (а). Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. *СА*. №2.
- Амброз А. К. 1971 (б). Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. *СА*. №3.
- Амброз А. К. 1981. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V — первой половины VIII вв. *Степи Евразии в эпоху средневековья*. — Археология СССР. Москва.
- Амброз А. К. 1986. Кинжалы VI—VIII вв. с двумя выступами на ножках. *СА*. №4.
- Амброз А. К. 1989. *Хронология древностей Северного Кавказа V—VII вв.* Москва.
- Амброз А. К. 1992. Боспор. Хронология раннесредневековых древностей. *Боспорский сборник*. Вып. 1. Москва.
- Амброз А. К. 1994. Юго-Западный Крым. Могильники IV—VII вв. *МАИЭТ*. Вып. IV. Симферополь.
- Атавин А. Г. 1996. Погребения VII — начала VIII вв. из Восточного Приазовья. *Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э.* Самара.
- Афанасьев Г. Е. 1980. Пряжки катакомбного могильника Мокрая Балка у г. Кисловодска. *Северный Кавказ в древности и в средние века*. Москва.
- Балабанова М. А. 2005. Антропология населения Нижнего Поволжья (кон. V — 1-я пол. IX в.). *Степи Европы в эпоху средневековья*. Т. 4. Хазарское время. Донецк.
- Батиева Е. Ф. 2002. Антропология населения Нижнего Подонья в Хазарское время. *Донская археология*. №3—4.
- Батчаев В. М. 1984. Гуннский котел из селения Хабаз. *СА*. №1.
- Безуглов С. И. 1985. Погребение кочевника VII в. н. э. на Нижнем Дону. *СА*. №2.
- Богачев А. В. 1995. О поздней дате древностей «гуннского круга». *Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н. э.* Самара.
- Богачев А. В. 1996. К эволюции калачиковидных серег IV—VII вв. в Волго-Камье. *Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э.* Самара.
- Высотская Т. Н., Черепанова Е. Н. 1966. Находки из погребения IV—V вв. в Крыму. *СА*. №3.
- Гавритухин И. О. 1996. К изучению ремennых гарнитур Поволжья VI—VII вв. *Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э.* Самара.
- Гавритухин И. О., Обломский А. М. 1996. *Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст*. Москва.
- Голдина Р. Д., Водолаго Н. В. 1990. *Могильники неволинской культуры в Приуралье*. Иркутск.
- Деревянко Е. И. 1977. *Троицкий могильник*. Новосибирск.
- Дмитриев А. В. 1979. Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска. *СА*. №4.
- Дмитриев А. В. 1982. Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо. *Древности эпохи Великого переселения народов V—VIII вв.* Москва.
- Засецкая И. П. 1975. Золотые украшения гуннской эпохи. Ленинград.
- Засецкая И. П. 1982. Классификация полихромных изделий гуннской эпохи по стилистическим данным. *Древности эпохи Великого переселения народов V—VIII веков*. Москва.
- Засецкая И. П. 1993. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV — первой половины V вв. н. э. *МАИЭТ*. Вып. III. Симферополь.
- Засецкая И. П. 1994. *Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV—V вв.)*. Санкт-Петербург.
- Засецкая И. П. 1996. *Степи Северного Причерноморья и Боспор в гуннскую эпоху (конец IV—V в. н. э.)*. Научный доклад ... на соискание степени д. и. н. Москва.
- Засецкая И. П. 2003. Боспорский некрополь как эталонный памятник древностей IV — начала VII века. *Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV—XIII века*. Археология. Москва.
- Засецкая И. П., Боковенко Н. А. 1993. Происхождение котлов «гуннского типа» Восточной Европы в свете проблемы хунно-гуннских связей. *Петербургский Археологический Вестник*. Вып. 3. Санкт-Петербург.
- Засецкая И. П., Казанский М. И. 2007. Хронология погребений Морского Чулека. В: Засецкая И. П., Казан-

- ский М. М., Ахмедов И. Р., Минасян Р. С. *Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху*. Санкт-Петербург.
- Казанский М. М. 2001. Хронология начальной фазы могильника Дюрсо. *Историко-археологический альманах* 4. Армавир; Москва.
- Казанский М. И. 2007. Ранневизантийские мечи с инкрустированной гардой. В: Засецкая И. П., Казанский М. М., Ахмедов И. Р., Минасян Р. С. *Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху*. Санкт-Петербург.
- Карахмедова А. А. 1974. Об одном типе серег из Кавказской Албании. *СА* (4).
- Ковалевская В. Б. 1979. Поясные наборы Евразии IV—IX вв. Пряжки. *САИ* Е1—2. Москва.
- Ковалевская В. Б. 1995. Хронология древностей северокавказских алан. *Аланы: история и культура*. Вып. III. Владикавказ.
- Ковалевская В. Б. 1996. Проблемы математической обработки археологического материала IV—IX вв. (по материалам Кавказа). *Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э.* Самара.
- Ковриг И. 1982. Погребение гуннского князя в Венгрии. *Древности эпохи Великого переселения народов V—VIII веков*. Москва.
- Комар А. В. 2001. К вопросу о дате и этнокультурной принадлежности Шиловских курганов. *Степи Европы в эпоху средневековья 2. Хазарское время*. Донецк.
- Комар А. В. 2006. Перещепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII — нач. VIII вв. *Степи Европы в эпоху средневековья*. Т. 5. Хазарское время. Донецк.
- Комар А. В., Орлов Р. С. 2006. Погребение кочевника 2-й пол. VII в. у села Черноморское. *Степи Европы в эпоху средневековья 5. Хазарское время*. Донецк.
- Комар А. В., Кубышев А. И., Орлов Р. С. 2006. Погребения кочевников VI—VII вв. из Северо-Западного Приазовья. *Степи Европы в эпоху средневековья 5. Хазарское время*. Донецк.
- Котович В. Г., Котович В. М., Магомедов С. М. 1980. Утамышские курганы. *Северный Кавказ в древности и средние века*. Москва.
- Круглов Е. В. 2003. Сложные луки Восточной Европы раннего средневековья. *Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном историческом музее*. Тез. конф. Ч. II. Москва.
- Круглов Е. В. 2005. Сложносоставные луки Восточной Европы раннего средневековья. *Степи Европы в эпоху средневековья 4. Хазарское время*. Донецк.
- Кубарев Г. В., Ахмедов И. Р., Журавлев Д. В. 2003. Катакомбное погребение с доспехом с Госпитальной улицы г. Керчи (предварительная информация). *Боспорские исследования* III.
- Левченко Д. И., Супруненко А. Б. 1994. Находки гуннского времени в низовьях Воркслы. А. Б. Супруненко. *Курганы Нижнего Поворскля. Приложение*. Москва; Полтава.
- Мажитов Н. А. 1977. *Южный Урал в VII—XIV вв.* Москва.
- Минаева Т. М. 1982. Раскопки святилища и могильника возле городища Гиляч в 1965 г. *Древности эпохи Великого переселения народов V—VIII вв.* Москва.
- Овчинникова Б. Б. 2003. Косторезное искусство древних тюрок Саяно-Алтая. *Степи Евразии в древности и средневековье. Материалы Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения М. П. Грязнова*. Книга II. Санкт-Петербург.
- Отчет Императорского Российского Исторического Музея за XXV лет (1883—1908). 1916. Москва.
- Рунич А. П. 1975. Аланский могильник в «Мокрой балке» у города Кисловодска. *Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии*. Орджоникидзе.
- Рунич А. П. 1976. Захоронение вождя эпохи раннего средневековья из Кисловодской котловины. *СА* (3).
- Рунич А. П. 1979. Раннесредневековые склепы Пятигорья. *СА* (4).
- Савин А. М., Семенов А. И. 1989. К типологии ранне-средневековых луков Прикубанья. *1-я Кубанская археологическая конференция*. Краснодар.
- Савин А. М., Семенов А. И. 1990. К реконструкции лука хазарского времени. *Проблемы исследования памятников Северского Донца*. Луганск.
- Савин А. М., Семенов А. И. 1995. К методике изучения и публикации средневековых кочевнических луков. *Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н. э.* Самара.
- Савин А. М., Семенов А. И. 1998. О центральноазиатских истоках лука хазарского типа. *Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе*. Санкт-Петербург.
- Симоненко А. В. 2010. *Сарматские всадники Северного Причерноморья*. Санкт-Петербург.
- Соловьев А. И. 1987. *Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха средневековья*. Новосибирск.
- Торгоев А. И. 2003. О хронологии наременных украшений Семиречья. *Степи Евразии в древности и средневековье. Материалы Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения М. П. Грязнова*. Книга II. Санкт-Петербург.
- Флерова В. Е. 2001. Подкурганые погребения Восточноевропейских степей и пути сложения культуры Хазарии. *Степи Европы в эпоху средневековья 2*. Донецк.
- Хазанов А. М. 2008. *Избранные научные труды. Очерки военного дела сарматов*. Санкт-Петербург.
- Худяков Ю. С. 1980. Типология погребений VI—XII вв. в Минусинской котловине. *Археологический поиск (Северная Азия)*. Новосибирск.
- Эпоха Меровингов — Европа без границ. Археология и история V—VIII вв.* 2007. Берлин.
- Юрочкин В. Ю. 1993. Погребение кочевника гуннского времени в кургане у села Изобильного в Крыму. *МАИЭТ* III.
- Becker K., Riesch H. 2002. Untersuchungen zu Metallurgie und Effizienz Merowingerzeitlicher Lamellenpanzer. *Archäologisches Korrespondenzblatt*. Jahr. 32. Mainz.
- Bóna I. 1991. *Das Hunnen Reich*. Budapest.
- Damm I. G. 1988. Goldschmiedearbeiten der Völkerwanderungszeit aus dem Nördlichen Schwarzmeergebiet. *Katalog der Sammlung Diergardt 2. Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte* 21. Berlin.
- Fettich N. 1953. *La Trouvaille de Tombe Princière Hunnique*

Петербургский апокриф. Послание от Марка

- a Szeged-Nagyszéksós*. Budapest.
- Koch A. 2006. Blankwaffen des frühen Mittelalters in China (5.–10. Jahrhundert n. Chr.). *Zeitschrift für Archäologie Außereuropäischer Kulturen* 1. Wiesbaden.
- Kovrig I.L. 1972. Hunnischer Kessel aus der Umgebung von Várpalota. *Folia Archaeologica* XXIII. Budapest.
- Menghin W. 1983. Das Schwert im Frühen Mittelalter. Chronolog.-typolog. Unters. Zu Langschwertern aus germ. Gräbern d. 5. bis 7. Jh. n. Chr. Stuttgart.
- Robinson H.R. 1967. *Oriental Armour*. London.
- Zaseckaja I.P., Bokovenko N.A. 1994. The Origin of Hunnish Cauldrons in East-Europe. *The Archaeology of the Steppes. Methods and Strategies*. Napoli.

Статья поступила в редакцию 14 апреля 2011 г.

Natalia Limberis (Krasnodar, Russia). Kuban State University.

Лимберис Наталья Юрьевна (Краснодар, Россия). Кубанский государственный университет.

E-mail: meot@mail.ru

Ivan Marchenko (Krasnodar, Russia). Candidate of historical sciences. Kuban State University.

Марченко Иван Иванович (Краснодар, Россия). Кандидат исторических наук. Кубанский государственный университет.

E-mail: meot@mail.ru